

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ**

БОРИС ДАВЫДОВ

МОСКОВИТ

Борис Алексеевич Давыдов

Московит

Серия «Новые герои»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19130801

Борис Давыдов. Московит: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-89735-3

Аннотация

Бывший спецназовец Андрей Русаков решил отдохнуть на египетском курорте. В самолете он оказался рядом с красавицей Анжелой. Любуясь сексапильной соседкой, Андрей и не подозревал, что судьба надолго связала их вместе. Несколько неприятных минут турбулентности, и... Андрей и Анжела оказываются в незнакомом месте, где немедленно подвергаются нападению вооруженных до зубов всадников, явно азиатского происхождения. Отстояв свою жизнь, а заодно – честь прекрасной Анжелы, Андрей пришел к неутешительному выводу, что неведомые силы забросили их в далекое прошлое. А точнее – на Украину 1648 года, когда казаки атамана Хмельницкого вели беспощадную войну с польскими панами. Пришлось Андрею вспомнить о своих специальных навыках, и не только о них...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	62
Глава 8	74
Глава 9	86
Глава 10	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Борис Давыдов

Московит

© Давыдов Б., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Все началось самым обычным, банальным до пошлости образом. «Возвращается муж домой, а там...» Нет, не спешите сочувственно пожимать плечами или ехидно усмехаться. Супружеское ложе я застал вовсе не оскверненным, а девственно непорочным. То есть опустевшим. Точно такой же зияющей пустотой встретил меня стенной шкаф. Судя по тщательности, с какой выпотрошила его дорогая женушка, ее поступок был отнюдь не внезапным, а заранее продуманным. Да и содержание записки, положенной на самом виду, сомнений в том не оставляло.

Вообще-то я сам собирался по приезде сказать ей: «Слушай, стоит ли дальше тянуть резину? Раз никак не складывается, может, разбежимся в разные стороны? По-хорошему, напрасно друг друга не мучая...» Интересно, чувствовала ли она это, догадывалась ли? Женщины иной раз способны на такую прозорливость, какая нам, мужчинам, и не снилась... Или она сама давно решила уйти и лишь ждала удобного момента?..

В любом случае одно дело, если инициатором разрыва являешься ты. И совсем другое – когда бросают тебя...

Девять из десяти мужиков на моем месте сначала прибежали бы к неисчерпаемым богатствам «великого и могучего», потом вспомнили бы поговорку «Все бабы – стервы!». Ну а

затем два проверенных пути: или в запой, или по тем самым бабам... Я же вместо этого набрал знакомый номер. Сашка откликнулся почти сразу, будто ждал звонка.

– Командир? Рад слышать!

– Взаимно. Есть что-то горящее? Хочу улететь как можно скорее. В идеале – сегодня же.

– Один? – после чуть заметной паузы уточнил мой бывший подчиненный, ставший несколько лет назад директором маленького, но вполне успешного турагентства.

– Один.

– Понятно... Загранпаспорт все тот же, не менял?

– Нет, не менял.

– А куда хочешь?

Сашка не стал задавать лишних вопросов: мол, да как же так, а не обидится ли дорогая половина, что едешь без нее, а все ли у вас в порядке... Впрочем, ничего другого я и не ожидал. Мои ребята всегда четко знали, о чем со мной можно говорить, а о чем не следует.

– Куда угодно, лишь бы не требовалась виза... Может, в Египет? Погреться на солнышке – самое то!

Если учесть, что конец весны выдался адски жарким, прозвучало это просто нелепо. Точнее – глупо. Но Сашка воспринял мои слова без малейшей иронии.

– Пожелание клиента – закон! Сейчас посмотрим... – Я слышал, как его пальцы проворно забегали по клавишам. – А что предпочитаешь – Шарм или Хургаду?

– Мне без разницы.

– Звездочек сколько?

– Тоже без разницы.

– А на сколько дней?

– Все равно. Есть на неделю – давай. На две недели – тоже не откажусь.

– «Эйч Би» или «Олл»?¹

– Все равно!

– Золото, а не клиент! – хмыкнул Сашка. – Мечта любого жулика. Так, минутку терпения... Вот, слушай: горящая в Хургаду, отель...

Он долго бубнил что-то в трубку, перечисляя название отеля, его звездность, местоположение, время вылета из Домодедова и прилета туда же... Мне снова хотелось сказать: «Все равно!» – но сдержался. Сашка сейчас выполнял свою работу, стараясь сделать ее аккуратно и добросовестно, так зачем обижать человека?

Закончив разговор, я освободил от вещей дорожную сумку, с которой приехал, и принялся укладывать ее заново. Остаться в опустевшей квартире совершенно не хотелось, искать утешения старыми, как мир, способами – тоже. Лучше всего сменить обстановку. Деньги есть, свободного времени – хоть отбавляй...

¹ «Эйч Би» (от аббревиатуры «НВ») – завтрак и ужин, напитки за ужином – платно (англ.). «Олл» (от «All Inclusive») – завтрак, обед, ужин, напитки – бесплатно (англ.).

В общем, незадолго до полуночи, пройдя все формальности, я уже сидел в кресле 757-го «Боинга». Желая только одного: чтобы он поскорее оторвался от земли. Потому что, хоть и нарастил на сердце толстую, непробиваемую корку, все-таки было больно...

Ну почему? Чего ей не хватало?

«Ты беспредельный, жуткий эгоист! Не человек, а механизм какой-то! Тебе нет дела до того, что чувствуют другие люди, до их проблем и переживаний...»

Тут она загнула, конечно. Впрочем, если бы я позволял себе часто задумываться над тем, что чувствуют другие, и входить в их положение, давно уже гнил бы в земле. Боюсь, женщинам этого не понять... Да и многим мужчинам – тоже.

Сидевшая рядом красивая длинноногая блондинка в коротком белом платье, – судя по поведению и глазам, та самая героиня бесчисленных анекдотов, – пару раз украдкой смерила меня откровенно оценивающим взглядом, затем попыталась завязать разговор... Мол, куда летите, неужели тоже в Хургаду? (Кстати, интересно, если бы я ответил, что выхожу на полпути, какой была бы ее реакция?) Ах, какое совпадение, и она туда же! Еду с супругой? Ах, один?! И как только супруга не боится оставлять без присмотра столь видного кавалера, да еще в Египте, там же, говорят, такие знойные ночи, так способствуют пробуждению чувственности... А в какой отель я еду? Кстати, ее зовут Анжелой, а меня как?.. Андреем? Ах, какое замечательное, мужественное имя! В честь

Андрея Первозванного, верно?..

В конце концов, убедившись по моим вежливым, но односложным и очень кратким ответам, что ее усилия напрасны, блондинка разочарованно фыркнула и отвернулась. Мысль «Какие же сволочи эти мужики!» была написана на ее лбу огромными буквами.

Я прикрыл глаза, стараясь заснуть. Больше всего хотелось отключиться, чтобы разбудили уже в Хургадском аэропорту.

Как в тумане, чуть слышно, пробивались слова командира самолета, потом – рев двигателей... Нарастающая тяжесть, когда шасси отделились от взлетной полосы...

Через какое-то время я ощутил сильную тряску. Но открывать глаза не хотелось. Тем более почти сразу же раздался успокаивающий голос: дескать, не волнуйтесь, уважаемые пассажиры, никакой опасности нет, просто наш самолет вошел в зону турбулентности.

Никаких волнений не было и в помине. Дремота потихоньку вытеснялась крепким, здоровым сном. Помню, что, перед тем как я окончательно вырубился, мне снова пришли на ум слова: «Лучше всего – сменить обстановку»...

А потом... Черт его знает, как это случилось!!!

Глава 1

Наверное, мало какой мужик не мечтал проснуться рядом с ослепительной блондинкой. Даже с совершенно незнакомой. Даже в совершенно незнакомом месте.

Я в число таких мужиков явно не входил. Поскольку первой мыслью, пришедшей в голову, когда сознание вернулось и в глазах просветлело, было: «Какого!..» Мне в данный момент эта самая блондинка была нужна, как пресловутое пятое колесо телеге. Или столь же пресловутая пятая нога бобику. По очень многим причинам.

Во-первых, самолет, на котором мы летели в Хургаду, каким-то волшебным образом испарился. Причем без малейшего следа. Вокруг не было ни обломков, ни рассыпанных кресел, ни бранных останков моих попутчиков. Запахов гари, а также пролитого топлива и прочих ГСМ я тоже не ощущал.

Во-вторых, вокруг расстилалась степь, по которой кое-где были разбросаны небольшие курганы. Густо поросшая высокой травой, без малейших признаков жилья в пределах видимости (что меня совершенно не напрягло), а также колодцев, ручьев и прочих источников воды (что как раз очень даже обеспокоило). Нет, я-то могу обойтись без питья довольно долго, даже в такую жару, но сможет ли нежданная и негаданная попутчица – большой вопрос! Причем готов был по-

клясться – ответ на него я уже знаю, и он мне решительно не нравился.

В-третьих, мой внутренний голос, никогда меня не подводивший и бесчисленное количество раз спасавший жизнь, буквально вопил: «Андрюха, ты влип по-крупному, серьезно и качественно!»

В-четвертых... Да что творится, в самом деле?! Как, позвольте спросить, мы могли перенестись с неба на грешную землю?! Катапультами гражданские самолеты, насколько мне известно, не комплектуются. Кроме того, ни сдвижными панелями, ни люками в верхней части обшивки, через которые можно катапультироваться – тоже... Мысль о том, что неведомые злодеи выбросили нас из самолета во сне, на виду у переполненного салона, заставила нервно хихикнуть. Черта лысого им бы это удалось! Прежде всего потому, что я тотчас проснулся бы. Умею, знаете ли, чутко спать, реагируя на малейший посторонний звук или самое слабое прикосновение. И вот тогда злодеям бы не поздоровилось... Ну и, кроме того, законов физики еще никто не отменял. Грохнувшись с такой высоты, не только остаться в живых, но и не сломать ни одной косточки?! Чудеса бывают только в сказках. Ладно бы еще приземлились на огромную копну сена... Словом, все было совершенно непонятно, а потому раздражало. Терпеть не могу неопределенностей.

В-пятых...

Тут мои рассуждения были прерваны. Естественно, той

же блондинкой.

Глаза Анжелы, и без того большие, увеличились в размерах так, что, казалось, вот-вот выкатятся из орбит. Губки (чертовски красивые и соблазнительные, чего уж там!) растерянно приоткрылись, а на личике застыло такое испуганно-недоуменное выражение, что мне ее даже стало жаль. Действительно, от подобного сюрприза и бывалый мужик растеряется, что же требовать от представительницы слабого пола, да еще явно не обремененной излишним интеллектом!

– Где... мы?! – еле выговорила она, инстинктивно прижимая к груди сумочку.

– На земле, – коротко ответил я.

– Как на земле?! А самолет?!

Я только молча развел руками: сама, дескать, видишь, до-рогуша, самолет отсутствует. Равно как его экипаж, пассажиры и изрядное количество авиационного керосина вместе с несколькими сотнями порционных обедов.

Коралловые губки затряслись, на глаза навернулись слезы. Лицо как-то сразу вдруг сделалось некрасивым и капризным... Только истерик мне сейчас не хватало!

– Послушайте, Анжела! – торопливо заговорил я, предупреждая ее вспышку. – Случилась какая-то чертовщина. Дикая, невероятная, невозможная! Сам не понимаю, как это могло произойти! Но от того, что мы будем плакать и кричать, ничего не изменится. Ясно? Спокойствие, только спокойствие! – добавил я фразу из мультфильма про Карлсона,

весьма кстати вспомнившуюся.

Вообще-то я ни кричать, ни тем более плакать не собирался. Но инстинктивно почувствовал, что надо сказать именно так: будет правильнее и лучше.

Анжела все-таки всхлипнула, но тихо и робко. Даже попробовала улыбнуться.

– А вы... не бросите меня?

Пауза вышла совсем небольшой. Надеюсь, она ее даже не заметила.

– Нет, не брошу. И давай на «ты», ладно?

– Ладно!

В тот день тоже было жарко. Очень жарко. Липкий, обволакивающий зной просто струился с небес.

– Ребята, я больше не могу... Не могу... Только не бросайте меня!

Это был не каприз избалованной барышни, привыкшей, что любое ее желание немедленно исполняется, а хрип беспредельно уставшего существа, дошедшего до полного изнурения и истощения всех сил, и физических, и моральных.

Я очень хорошо ее понимал... Ведь мне известно, что такое НАСТОЯЩАЯ усталость. Сам когда-то много раз испытывал желание бессильно упасть вниз лицом и не шевелиться, наплевав и на трехэтажную матерщину, и на

чувствительные пинки. Пусть хоть пристрелят – главное, чтобы оставили в покое, чтобы дали умереть, не тормоза...

И я хотел ее бросить. Очень хотел! Можете думать про меня что угодно. Человек, знающий специфику нашей работы, поймет без объяснений. А кто не знает – и объяснять бесполезно.

Мне приходилось бросать товарищей, с которыми вместе не то что пуд соли съели – горы эти проклятые свернули, век бы их не видеть... Тот, кто серьезно ранен, повредил ногу или ослаб по-настоящему – обуза для всей группы. А если погоня жарко дышит в спину, то не обуза, а много хуже – самый настоящий камень на шее... Ему одна дорога: прикрывать отход... Ценою жизни выиграть немного драгоценного времени, дать возможность спастись остальным.

Я тогда лото ненавидел эту блондинку, отыскавшую приключений и на свою аппетитную попку, и на наши тощие зады. Со всей беспредельной усталой яростью молодого, крепкого, пышущего здоровьем человека, обреченного из-за нее на смерть.

Но мы ее все-таки не бросили. Кроя самыми черными словами, волоча за руки, подгоняя пинками и оплеухами, заставляли бежать дальше. Спаслись сами, успев на поляну, где уже ждала «вертушка», и спасли ее.

Как в тот день она не умерла от разрыва сердца, да еще после всего, что ей пришлось пережить в плену у Мансура,

до сих пор не понимаю.

Влиятельный папа-бизнесмен оказался благодарным человеком. Обещание выполнил, не в пример многим другим. Мы получили не только по ордену, но и по увесистой пачке купюр. Обрадовались, конечно, и тому и другому. Долг и присяга – святое дело, конечно, но честно заработанные деньги никогда лишними не бывают.

Кстати, несколько моих ребят теперь работают в службе безопасности этого самого папы. Он предлагал и мне. Не скрою, соблазн был велик. Но я все-таки отказался.

Дочурка же удачно вышла замуж и по сей день живет где-то в Калифорнии. Совершенно случайно мне как-то попался глянецовый журнал с ее фотографией. В холеной, ухоженной дамочке, на которой висело столько бриллиантов, что от блеска просто рябило в глазах, трудно было узнать грязную измученную девчонку с умоляюще-тоскливым взглядом...

Жалости и сочувствия ни к Мансуру, ни к прочим сыновьям «маленьких, но гордых народов, борющихся за свою свободу и независимость», готов поклясться, она больше не испытывала. Равно как желания им помогать.

– Так все-таки, где мы сейчас?! – снова растерянно спросила Анжела.

– Понятия не имею. Но выясним, обязательно. Потерпи немного.

«Скорее всего, в сказке!» – хотелось сказать, но я сдержался. Еще не так поймет, решит, что над ней издеваются, и все-таки закатит истерику. Хотя, честное слово, я уже ничему не удивился бы. Если бы сейчас из-за ближайшего кургана выехали три былинных молодца и Илья Муромец строго окликнул бы нас: «Эй, что за люди на заставу нашу богатырскую пожаловали?!» – я только поклонился бы и ответил с максимальной вежливостью: «Здравствуй, Илья Иванович! И ты будь здоров, Добрыня Никитич, и ты, Алеша...»

Отчество младшего богатыря так и осталось произнесенным. Потому что из-за кургана действительно выехали всадники. Как раз трое. Вот только на древнерусских богатырей они были ничуть не похожи. Скорее, на их извечных противников из Степи.

Глава 2

Каюсь, тут я допустил промашку. Непростительную. Которая вполне могла стать роковой.

Рефлексы, въевшиеся в плоть и кровь, хотя и жизненно необходимы, но порой могут сильно подвести. Поскольку человек, привыкший реагировать молниеносно, волей-неволей ожидает того же и от других.

Я увидел эту троицу, сидя на траве, и тут же, мгновенно, пригнул голову. Не только потому, что мне очень не понравился их внешний вид, просто тело сработало автоматически, подчиняясь тем самым рефлексам. Ведь любой чужак должен рассматриваться как потенциальная угроза. Даже если впоследствии он окажется лучшим другом.

А Анжела... Ох, что возьмешь с насквозь гражданского человека?! Да еще бабы. И блондинки в придачу...

Можно было, конечно, метнуться, подсесть ей ноги, завалить в траву... А толку?! Если она уже завопила, вскочив и размахивая сумочкой:

– Э-э-е-ей, ребята! Сюда-а-а!!!

Все крепкие и образные выражения, коими так обилён русский язык, застыли у меня на губах. Если, бог даст, все кончится хорошо – потом скажу и объясню. Просто и доходчиво, чтобы поняла.

«Ребята» после секундной заминки пустили коней вскачь:

это я без труда определил, не видя их, прильнув ухом к земле. Звуки-то по ней разносятся – будь здоров!.. И чем ближе они были к нам, тем меньше мне нравились долетающие обрывки фраз. Шальная мысль: «Может, тут где-то рядом кино снимают...» – умерла, едва успев родиться.

– Сюда-а-а! – снова закричала Анжела, будто боялась, что всадники проедут мимо, не удостоив нас вниманием.

– Заткнись, дуреха! – яростно прошипел я. – Не поворачивай башку, смотри прямо на них! И что бы ни случилось – не беги, а главное – не зови меня! Если жить хочешь! Поняла?! Что бы ни случилось!

И я торопливо уполз в заросли, постаравшись кое-как распрямить за собой примятую траву. Естественно, любой мало-мальски опытный глаз тут же обнаружил бы мое укрытие, вся надежда была на то, что одинокая беззащитная женщина направит мысли троицы по вполне определенному и естественному руслу...

– А вы... а ты куда?! – испуганно пробормотала блондинка – слава богу, не повернувшись! Видимо, и до нее начало кое-что доходить.

– Не бойся, я буду рядом! Обещал же – не брошу! В нужный момент помогу. А теперь молчи!..

Против трех конников с копьями, саблями и луками у меня, безоружного, шансов не было. Вот если они спешатся – совсем другое дело...

Они спешили. И принялись гнусаво и похабно гоготать,

описывая все стати и прелести попавшейся добычи. Как я и думал, это были крымчаки. Я неплохо знал несколько тюркских языков, потому с грехом пополам разобрал, о чем они лопочут. Особенно часто звучало слово «Ак» – «белый», в сочетании с другими. Да, белокожая и беловолосая женщина – это хорошая добыча. А если она еще «кыз» – «девушка», – то можно считать, что сам Аллах осенил их своей милостью. Беловолосая девственница стоит много, очень много! Если же она успела распрощаться с невинностью, то эту беловолосую бабу надо сначала...

Шум возни, перекрытый истеричным криком Анжелы, не оставил сомнений, что крымчаки решили тут же, на месте, получить ответ на столь важный и интересующий их вопрос.

Я осторожно подполз поближе, раздвинул стебли. В нескольких шагах от меня на утоптанной траве копошилась куча-мала, потом из нее вылетела, приземлившись перед самым моим носом, рваная кружевная тряпочка, в которой при известной фантазии можно было опознать дамские трусики...

– Андрей!!! – от пронзительного визга заложило в ушах.

Не удержалась, позвала все-таки, дуреха... Хотя ее можно понять. Что же, пришла пора выхода на сцену Благородного Героя. Заступника слабых и угнетенных, Грозы Насильников и прочая, прочая...

Бесшумно покинуть укрытие, к сожалению, не удалось: слишком уж сильно высохла чертова трава под жарким солн-

цем. Но татары чересчур увлеклись своим делом, к тому же отчаянно извивающаяся и вопящая Анжела полностью перекрыла слабый шелест.

Тот, кто крепко прижимал к земле ее запястья, увидел меня, когда я уже вплотную приблизился к двум другим, пытавшимся раздвинуть ей ноги. Узкие глаза изумленно округлились, рот приоткрылся... Но время было упущено.

Тренированный локоть – страшное оружие в ближнем бою. Когда-то я спокойно разламывал им стопку кирпичей. И кое-какие навыки сохранил по сей день...

Первый крымчак, вцепившийся в голень Анжелы, умер мгновенно, даже не успев понять, что произошло. На нем был шлем, поэтому бить в самую уязвимую точку шеи – ямку, где позвоночный столб как бы соприкасается с черепной коробкой, я не мог. Пришлось всадить локоть немного пониже. В следующую долю секунды я нанес удар правой пяткой в висок второму и метнулся к последнему, начавшему выпрямляться и судорожно нашаривать рукоять сабли.

Он успел обнажить клинок примерно до половины, после чего рухнул, закатив глаза и издав короткий хриплый стон.

Лошади недовольно фыркали, дергались, но – слава богу! – пока не убежали.

Анжела, по-прежнему лежа на спине, истерично рыдала, даже не пытаясь одернуть задранное до пупка платье. Мне пришлось сделать это самому. При этом я машинально подметил, что ножки у нее просто великолепные, а интим-

ная стрижка... э-э-э... более чем фривольная. Девочка явно не страдала от излишней скромности и наверняка собиралась оттянуться в Хургаде так, чтобы чертям тошно стало... Впрочем, меня это никаким боком не касается, я ей не муж и не брат, чтобы читать мораль.

Попутно подумал – не прекратить ли истерику пощечинной. Но решил, что пока не стоит.

Осторожно, медленно ступая, я приблизился к татарским лошадям, улыбаясь и говоря им самые добрые и ласковые слова, какие только приходили на ум. Естественно, по-татарски, уповая, что язык за прошедшие три с половиной века все же не слишком изменился и что четвероногие друзья человека снисходительно отнесутся к моему чудовищному акценту...

Да, черт возьми, мне стало ясно, в какой эпохе мы оказались! Обрывки фраз крымчаков, где мелькали имена Тугай-бея и Хмельницкого, а также упоминания о Корсуньской битве, богатой добыче, взятой в лагере Потоцкого, и «ясыре», набранном после боя, не оставляли сомнений.

Ну если уж совсем откровенно, какие-то сомнения все-таки были. Как говорится, утопающий хватается за соломинку... Но они очень быстро улетучились. После того, как мне удалось подманить одну лошадку, опутать ей ноги арканом, снятым с передней луки седла, а потом неторопливо и основательно исследовать это самое седло. Точнее – содержимое всего, что было к нему приторочено. А также обнаружить

тонкие ломтики конины под горячим потником – походное блюдо степняков, о котором раньше приходилось только читать.

Две другие лошади все-таки удрали, и гоняться за ними было бессмысленно. Даже верхом. Увы, я не настолько хороший наездник, да и ловить добычу арканом не умею. Не обучен, извините.

А если бы даже был настоящим табунщиком, как мой дед Силантий, кубанский казак, – и то не стал бы. Слишком сильно ударила по мозгам открывшаяся истина...

Волею то ли злой судьбы, то ли какой-то неведомой мне сволочи, я перенесся... в 1648 год. В компании с глупой, беспомощной и чертовски хорошенькой блондинкой. И хоть убейте, не знаю, что теперь со всем этим делать.

Да уж, обстановка точно изменилась... Ничего не скажешь!

...Истерика закончилась гораздо скорее, чем я ожидал. Анжела, поднявшись, торопливо порылась в сумочке, извлекла косметичку и начала приводить себя в порядок (после бурных рыданий макияж потек и размазался, образовав на лице картинку из какого-нибудь «ужастика»). Руки ее дрожали, с губ то и дело срывалось: «Скоты! Грязные твари!» – пару раз всхлипнула, но в целом держалась очень даже неплохо. Я тем временем осмотрел второго крымчака, убедился, что он тоже мертв (голова от удара мотнулась вбок с такой силой, что сломалась шея), и подступил к треть-

му. Он-то оставался жив... Впрочем, ненадолго. Сплавить бы ненужную свидетельницу куда-нибудь, хоть на несколько минут...

Крепко связав татарину руки и ноги, я привел его в чувство и занялся допросом. Крымчак сначала упорствовал, бешено вращал глазами, ругал меня и «светловолосую сучку» и грозил страшной мезтью. Пришлось все-таки приказать Анжеле, чтобы зашла подальше в траву и не подсматривала. А также заткнула уши... Нет, если не хочет, может и не затыкать, и даже подсматривать, но тогда я не отвечаю за ее плохие сны с кошмарами.

Надо отдать должное девочке – послушно удалилась, прервав наведение красоты. Видимо, решила, что этим можно с успехом заняться и в сторонке. Попутно горько оплакала порванные трусики и помянула недобрым словом «озабоченных кобелей, которые могут думать только об одном». Что ей делать теперь?! Запасных-то в сумочке нет, и зашить нечем, и платье измято-перепачкано, и никакой смены одежды, все в багаже осталось...

Еще раз удивившись странным особенностям женской логики (тоже мне, нашла трагедию – ходить без трусов и в испачканном платье, в нашем-то положении!), я заткнул татарину рот плотным пучком травы, чтобы его вопли не разносились по всей округе. После чего приступил к делу. Когда через пять минут я вытащил изгрызенный слюнявый пучок, пленный был куда смиреннее. И, кое-как придя в себя,

с ужасом косясь ошалевшими глазами, быстро выложил всю необходимую информацию.

Я, выслушав, кивнул с ободряющей улыбкой. Потом торопливо оглянулся – не видит ли нас Анжела? – и молниеносным движением воткнул кончики пальцев в его сонные артерии, вторично лишая крымчака чувств. Только на этот раз – навсегда. Поднялся, окликнул блондиночку.

Положение наше было – злейшему врагу не пожелаешь...

Глава 3

– Нет, она точно идиотка! – снова простонала Анжела, уткнувшись потным раскрасневшимся лицом мне в плечо.

Я молчал, настойчиво пытаюсь найти ответ на вопрос, как мне теперь самого себя называть: беспринципным мерзавцем, воспользовавшимся женской растерянностью и беспомощностью, счастливым или тем самым «озабоченным кобелем, который только об одном и может думать». Палящему солнцу, льющему жар на наши разгоряченные голые тела, эта проблема была глубоко безразлична. Шумно стрекочущим в траве кузнечикам, трем свеженьким крымско-татарским покойникам и стреноженной лошади, которую я на всякий случай заставил лечь, привязав поводья к рукоятке сабли, глубоко вогнанной в землю, – тоже. Особенно лошади. Ее, судя по недовольной морде и такому же фырканию, гораздо больше занимал вопрос: долго ли еще валяться в неудобной позе.

...Когда Анжела вернулась, к моему великому облегчению, обошлось не только без истерики, но и без обморока. Только ее приведенное в порядок лицо на какое-то мгновение побелело, а в глазах мелькнул панический испуг. Но тут же исчез.

– Ты и его тоже... – Она не договорила, осеклась, устремив на меня вопросительный взгляд.

– Да. Так было надо. Мы не можем сейчас тащить с собой пленного.

– Значит, ты... киллер? – Она выговорила это слово с явным трудом, но более-менее спокойно.

– Нет. Я вполне законопослушный гражданин.

– Понятно... – Ее растерянные глаза заставляли серьезно усомниться в том, понятно ли ей хоть что-то на самом деле. – Но тебе... приходилось убивать?

Лгать было не только бессмысленно, но еще и глупо.

– Приходилось. Много раз.

– Выходит, ты мент? – продолжала допытываться Анжела.

– Нет, офицер спецназа. И больше не надо вопросов, ладно?

– Ладно... – вздохнула блондинка, подходя вплотную. А потом вдруг прижалась всем телом, уткнулась лицом мне в грудь, всхлипнув. – Спасибо тебе! Если бы не ты... Нет, не подумай, я не какая-нибудь истеричка и не ханжа, мужики были, конечно... Но не так же, и не втроем сразу! Тьфу, прямо тошнит, как вспомню... А вонища-то!.. Вот сволочи...

– Не надо об этом. Все обошлось. – Я ободряюще погладил ее по плечу.

– Ты молодец! А драться умеешь – вообще что-то с чем-то! – быстро тараторила Анжела. – Ой, я так завидую твоей жене! Вот уж действительно – как за каменной стеной, счастливица...

– У меня больше нет жены. Она меня бросила! – расте-

рвавшись, неожиданно для себя самого выпалил я, осторожно пытаясь отодвинуть ее.

Анжела, изумленно охнув, вскинула голову, уставившись прямо в глаза. И я вдруг почувствовал, как теплая волна прошла по всему телу...

– Не может быть!

– Еще как может! – усмехнулся я, с тревогой и смущением ощущая нарастающий жар в сердце, голове и паху. – Не далее как вчера утром.

Красавица блондинка, медленно покачав головой, вздохнула:

– Боже, какая она идиотка! Бросить такого мужчину!

И, закинув руки мне на шею, впилась мягкими коралловыми губками в мой рот...

Черт возьми, я все-таки мужик! Далеко не старый, крепкий, здоровый, со всеми соответствующими потребностями... Так стоит ли удивляться, что после очень недолгих колебаний ответил на ее страстный поцелуй еще более страстно? И что дальше все пошло по самому простому и естественному пути?

Честно говоря, сам удивляюсь, как в эту минуту здравый смысл все же пробился сквозь могучую приливную волну «основного инстинкта». Хватило ума сначала уложить лошадь в высокую траву, чтобы не «светилась» на всю округу. А уж потом укладывать изнаывающую от страсти обнаженную блондиночку... Точнее, не совсем обнаженную – босоножки

на ней все-таки остались.

Еще вчера заезженный литературный штамп, описывающий, как восхищенная героиня тут же, не отходя от кассы... то есть прямо на поле боя, устланном трупами, отдается герою-спасителю, творя с ним на пару чудеса интимного высшего пилотажа, заставил бы меня снисходительно улыбнуться. Потому что мне-то хорошо было известно: после НАСТОЯЩЕГО боя, даже скоротечного, подобное желание возникнет разве что у сексуального маньяка. В их число я, слава богу, пока еще не вхожу.

А вот сегодня это случилось... И знаете, хоть обошлось без «высшего пилотажа», мне понравилось! Да еще как!

Про Анжелу и говорить нечего – можно сымитировать и стоны, и крики, и подергивание всем телом, но кое-какие показатели оргазма точно не подделаешь. Сексапильная блондиночка действительно оттянулась на все сто. Без всякой Хургады и тамошних смуглых мачо...

Умная мысль, что незащищенный секс с незнакомой партнершей вполне может привести к весьма печальным последствиям, естественно, пришла с запозданием. Не до, а после. И я поступил с ней, как испокон веку поступают с умными мыслями, – послал ее по вполне определенному адресу. В конце концов, может, нам осталось жить всего ничего, так зачем думать об угрозе СПИДа или визитах к венерологам! Кстати, интересно, а были ли венерологи в середине XVII века?..

– Ты... разочарован? – с тревогой спросила Анжела, приподнимаясь на локте.

– Наоборот – на седьмом небе! – искренне отозвался я. – Это было великолепно!

– Тогда почему хмуришься? – недоверчиво произнесла она.

Ох, женщины, женщины! Только вы и способны задавать такие вопросы! Мы перенеслись в другую эпоху, только что подверглись смертельной опасности – она, во всяком случае! – впереди полная неопределенность и, скорее всего, гибель... ее заботит, не разочарован ли случайный партнер!

– Ты вообще имеешь представление, куда мы попали? – осторожно спросил я.

– Не-а... – растерянно протянула Анжела.

– Вот это – крымские татары, – махнул я рукой в сторону покойничков. – А мы – в семнадцатом веке, где-то неподалеку от Запорожской Сечи. Точнее, в 1648 году.

– В самом деле? – По виду Анжелы было ясно, что она, во-первых, здорово ошарашена, а во-вторых, эта дата ей абсолютно ничего не говорит. А про Запорожскую Сечь она если и слышала, то только краешком своего нежного уха.

– Да, представь себе! Мы с тобой очутились в самом эпицентре бурных событий, – вздохнул я, поднимаясь и напяливая одежду. – Только что произошла битва под Корсунем, где был разбит коронный гетман Потоцкий. Во всей округе – хаос и беспредел. Поляки и еврей-арендаторы бегут в

глубь страны, крымчаки рассыпались повсюду, убивают, грабят, угоняют пленных в рабство. Причем не делая особой разницы между теми же поляками и малороссами... Так что спасибо тебе, дорогая, за чудесный секс, а теперь вставай, одевайся! И быстро, быстро! Надо убираться отсюда.

– Но мне нужно... – Блондинка, смутившись, осеклась на полуслове. Впрочем, не надо быть провидцем, чтобы угадать мысли женщины, взгляд которой прикован к кожаной фляге с водой, притороченной к седлу.

– Никаких «но»! Водные процедуры будут позже. Когда отъедем подальше – раз и найдем источник этой самой воды – два. А поскольку неизвестно, как скоро найдем, питьевую воду будем пока расходовать только по прямому назначению – три. И без возражений! Это мой приказ. Сейчас не до гигиены, понимаешь? Где был разъезд из трех человек, может быть и сотня. Одевайся!

– А... куда мы поедем? – испуганно спросила Анжела, заводя руки за спину, чтобы застегнуть кружевной лифчик.

– Сам пока не знаю. По дороге подумаем... Кстати, ты умеешь ездить верхом?

Вопрос я задал чисто для порядка, на всякий случай. Она и лошадь-то, скорее всего, увидела сегодня впервые в жизни... Ничего, как-нибудь посажу, буду одной рукой править, другой – ее удерживать.

– Умею! – кивнула Анжела.

Я изумленно присвистнул:

– Ну и ну! Это как же получилось?

– Так я ведь живу в двух шагах от комплекса в Битце...

То есть жила... – Блондинка, нагнувшись за платьем, скривилась, словно от зубной боли. – Mamочка моя дорогая, за что?! Вроде особо не грешила, никого не обижала...

– Тоже хотел бы знать, за что?! – вздохнул я, натягивая джинсы. – Кстати, про платьишко забудь. Тебе его носить нельзя. Белая одежда на открытой местности видна чуть не до горизонта, выдаст нас с головой.

– Мне что, в одном лифчике остаться?! – вспыхнула Анжела.

– В одних босоножках! – усмехнувшись, поправил я. – Лифчик придется снять: он тоже белый, демаскирует! Зато представь, как классно загорись на таком солнышке, тело будет – прямо мулатка-шоколадка... – Видя, как на ее глаза наползают слезы, я торопливо заговорил: – Шучу, шучу, извини! Вон, целых три комплекта одежды, хоть и бэу, зато даром. Рубахи, шаровары, сапоги... Выбирай.

Блондинка негодуяще фыркнула:

– Ну и шуточки у тебя! «Мулатка-шоколадка!» Ох, мужики... – Внезапно осеклась, побледнела. – К-как?! С покойников?!

– А ты как думала? Ну, ну, тихо! И без сцен, пожалуйста. Сейчас не до брезгливости. Главное, самим не стать покойниками...

Глава 4

Пан ротмистр с труднопроизносимой фамилией Подопригора-Пшекшивильский был охвачен тем особым видом рвения, которое может обуять либо безнадежного дурака, либо усердного и непомерно честолюбивого служаку. Справедливости ради надо отдать предпочтение второму варианту: хоть звезд с неба молодой шляхтич явно не хватал, но и в особой глупости не был замечен. А вот службе отдавался со всей пока еще нерастраченной страстью и о блестящей карьере мечтал двадцать четыре часа в сутки. Поскольку не только днем, но и во сне представлял себя полковником Пшекшивильским-Подопригорским, прославленным героем, гордостью Речи Посполитой и предметом амурных грез красавиц панночек, прежде всего – Агнешки Краливской. Именно так: Пшекшивильским-Подопригорским, без унижительной мужицкой приставки «Подопригора», – о Езус, если бы покойный дед не проигрался смолоду в пух и прах, не только лишившись имения, но и чуть не оставшись с голым задом, разве взял бы он в жены русскую девку, дочь реестрового казака! Да ни за что на свете. Даже не взглянул бы на нее, несмотря на то что и собой была чудо как хороша, и отец – сотник, первый богач в округе... Точнее, конечно, взглянул бы, и любовью бы одарил, как в конце концов и случилось, но только ради утех, ведь человек слаб и подвержен соблаз-

нам... А под венец – упаси Матка Боска! Честь благородного шляхтича не позволила бы.

Ну а когда у благородного шляхтича в голодном брюхе целый оркестр наяривает, в долг никто больше и медяка не даст, а последние сапоги вот-вот развалятся... Тут уж не до чести. Тут согласишься на что угодно, и не столько из страха перед гневом вспыльчивого и влиятельного родителя соблазненной тобою девицы, а лишь бы по миру с протянутой рукой не пойти. Даже на то, чтобы вместе с богатым приданым получить к славной фамилии Пшекшивильских приставку, от которой за сто шагов мужицким духом разит! Будущий тесть был не только богатым, но и на редкость упрямым, к тому же крутого нрава, и потому на робко предложенный компромиссный вариант «Пшекшивильский-Подопригорский» ответил решительной и категоричной тирадой, насупив густые брови:

– Нет уж, зятек дорогой! Вот превзойдешь меня, дослужишься до полковника – тогда именуешься Пшекшивильским-Подопригорским, на здоровье! Ты не сможешь – пусть старший сын фамилию меняет. Или внук, или правнук... Кто первым полковничий пернач над головою поднимет, тому и менять. А до той поры – зваться вам Подопригора-Пшекшивильскими, и в том за себя и за потомков своих клятву дашь на святом кресте! Ясно, греховодник?!

Яснее было некуда.

Вот потому старший правнук упрямого прадеда по мате-

ринской линии – тот самый пан ротмистр – воспринял поручение прославленного князя Иеремии Вишневецкого как дар судьбы. Который поспособствует исполнению заветной мечты уже покойного деда и старшего сына его – собственного родителя. Главное – вложить всю душу свою, все рвение, чтобы князь заметил и оценил... А там последует внимание его и протекция, а через какое-то время – долгожданный полковничий титул. С изгнанием позорной приставки «Подопригора», из-за которой столько пришлось натерпеться от своих же собратьев-шляхтичей, столько презрительных ухмылок увидеть да глумливых насмешек выслушать...

Конечно, несколько наглецов жестоко поплатились за свою дерзость – пан ротмистр, несмотря на молодые годы, по праву считался отменным рубакой, – но нельзя же круглые сутки требовать удовлетворения и получать его на поединках! Надобно тратить время и на службу, и на отдых... Опять же, приходилось остерегаться грозного начальника: князь и без того дуэли не слишком-то жаловал, считая глупой и напрасной тратой сил и крови, которая может с куда большей пользой пролиться за отчизну. А в последнее время стал не в меру сердит и придирчив, так лучше уж не искать себе приключений на известное место...

...Иеремии-Михаилу Корбуту-Вишневецкому, властелину обширных земель в этой части Речи Посполитой и одному из богатейших ее вельмож, было отчего сердиться. Страшные вести, давно докатившиеся до его замка в Лубнах, пона-

чалу не особенно взволновали (можно было сбиться со счёту, сколько раз проклятые схизматики поднимали мятежи, но кончались они всегда одинаково: плахами да виселицами, а потом – покаянными письмами и мольбами о прощении). Когда же перепуганные, чудом спасшиеся беженцы, заповолившие окрестности Лубен, поведали о Корсуньском побоище и творящихся повсюду бесчинствах, когда окончательно стало ясно, что заваруха, устроенная Хмельницким, куда страшнее и опаснее всех прочих, случавшихся ранее, князь серьёзно призадумался, помрачнев и осунувшись, будто постарел на добрый десяток лет.

За себя он не боялся – человек, часто смотревший в лицо смерти, не устрашится ее в очередной раз. А вот за беспрельдно любимых жену и детей – очень. И мысли о людях, живущих под его властью здесь, в полудиком некогда краю, превращенном их трудами в цветущий сад, тоже не давали покоя Вишневецкому. Пусть он был строг, а порою и беспощадно суров, но все же заботился о них и чувствовал свою ответственность. Скудостью воображения князь никогда не страдал, и оно, дополнившись собственным воинским опытом, красочно описывало, ЧТО могут натворить в его владениях нагрянувшие казаки вкупе с татарами. От одной мысли об этом замирало сердце, и рука произвольно тянулась сотворить крестное знамение.

Надо было действовать быстро, но обдуманно. Вишневецкий видел только два пути: либо оставаться на месте, оборо-

няясь собственными силами и уповая на милость Создателя, на храбрость и выучку своих солдат, гордо именующих себя «вишневецкими», а также на помощь местных обывателей, либо – если окажется, что враг слишком силен, – спешно отходить в глубь страны, взяв с собою казну и самое ценное имущество. «Терциум нон датур!»², – вздыхал хорошо обученный латыни князь, давно носивший прозвище «Ужас казачий». Чтобы решить, какой же из двух путей правильный, надо было иметь точную информацию, и не от перепуганных измученных беглецов (у страха, известно, глаза велики!), а от своих людей, которым можно довериться.

С этой целью князь и разослал в разные стороны десяток небольших отрядов на лучших лошадях. Поставив им задачу: разведать обстановку, узнать все в точности, а потом как можно скорее вернуться в Лубны и доложить.

Одним из этих отрядов как раз командовал бравый ротмистр Подопригора-Пшекшивильский.

– Ну ни фиги себе... – растерянно пробормотала Анжела, покачиваясь в такт лошадиной рыси. В седле она держалась уверенно, не соврала, что умеет ездить верхом. – Так нам что, теперь к этому самому князю Яреме надо попасть? Другого выхода нет?

– Есть, конечно. Но все они хуже, – вздохнул я, держась за заднюю луку седла. – Попадем к казакам – скорее всего,

² «Третьего не дано» (лат.).

и до Хмельницкого не доведут, меня зарубят, а тебя... Кх-м! Попадем к татарам...

– Не надо! – испуганно дернулась блондинка. Точнее, со стороны блондинкой она уже не казалась – волосы были тщательно упрятаны под татарскую шапку, название которой я не мог вспомнить, как ни старался. То ли малахай, то ли еще что... Анжела долго упиралась всеми конечностями, не желая надевать трофейный головной убор. Чужие штаны и рубаху надела, преодолев страх и брезгливость, даже сапоги согласилась натянуть, вняв моим доводам, что босоножки – не лучшая обувь для наездницы. Я выбрал из трех пар самые подходящие по размеру и сам обмотал ей ступни самодельными портянками, чтобы не стерла в кровь. А вот от шапки она отбивалась яростно, причитая, что у нее наверняка заведутся вши. Мне пришлось даже прикрикнуть. Негромко, но подействовало.

– Сам не хочу! – усмехнулся я, откликнувшись фразой товарища Саахова из «Кавказской пленницы». – Как видишь, наилучший вариант – пробиться к Лубнам, под защиту князя. Он, конечно, сволочь еще та и самодур был изрядный, судя по историческим документам, но все-таки образованный человек, всей Европе известен. Опять же, рыцарских правил придерживался...

Чтобы не пугать Анжелу, я не стал описывать, какую страшную память оставил по себе во многих областях Украины этот «образованный рыцарь», какой ужас охватывал лю-

дей при одной вести: «Ярема идет!» Никакой пользы эта информация не принесла бы, а вот навредить могла запросто. Кроме того, я по собственному опыту слишком хорошо знал: иной раз вполне нормальный человек способен совершить такое, что ему не привиделось бы раньше даже в кошмарном сне. Не потому, что он плох и порочен, просто злая судьба другого выхода не дала. Надо – и все! Или ты, или тебя.

– А кем ты тогда станешь? Типа как Хозяин при дворе короля Артура? – спросила вдруг Анжела.

Да, умеют женщины ставить в тупик, ничего не скажешь! Хорошо, что я сидел за ее спиной, на крупе лошади: представляю, какое у меня сейчас было выражение лица...

– Ты... читала Марка Твена?

– Представь себе! – озорно, но с различимой обидой отозвалась Анжела. – И еще много кого. Хоть и блондинка.

– Да я ничего такого не имел в виду... Честное слово! Просто думал, что эта книга уже забыта.

– Она мне как-то попала в детстве... Забавно! Бедный янки, каково ему там пришлось! Но ведь выдержал и хорошо устроился, хотя вовсе не был крутым суперменом. – Анжела вдруг рассмеялась. – А уж тебе сам бог велел. Станешь первым советником князя, или кто там у них есть... Ну и за меня тогда замолвишь словечко, пусть сделает маркизой какой-нибудь.

– погоди, не спеши. До князя еще надо добраться!

Главную причину, по которой я так настойчиво стремил-

ся к Вишневецкому, я пока решил Анжеле не открывать. Во-первых, всему свое время, во-вторых, все-таки не бабского ума это дело. (И можете сколько угодно обвинять меня в мужском шовинизме!)

Раз уж случилось такое чудо, почему бы не стать орудием судьбы? Ход истории иногда зависит от таких ничтожных мелочей...

– Следы еще свежие! – доложил улан, тщательно осмотревший место побоища. – Хоть и сильно затоптано, а все ж разобрать можно. Судя по всему, эти нечестивцы схватили женщину и пытались над нею надругаться...

– Откуда такие подробности? – фыркнул вахмистр Балмута, известный многим вишневцам как безудержный хвостун, пьяница и скандалист. Что, впрочем, не мешало ему вдобавок быть отчаянным храбрецом и надежным товарищем. А уж о его любовных подвигах и вовсе ходили легенды, да такие богатые и сочные, что сам черт не разобрал бы, где правда, а где вымысел. – Прямо на земле написано?

Подопригора-Пшекшивильский нахмурился было, размышляя, не одернуть ли вахмистра, чтобы не лез со своим мнением раньше командира. Но потом решил, что не стоит.

– Проще пана, я в юные годы был завзятым охотником! – обиженно отозвался улан. – Отец меня выучил по самому слабому следу идти, не сбиваясь. Ясно вижу: там были отпечатки женских ног. Трава примята, местами с корнем выдра-

на, стало быть, шла борьба. И вот еще что я нашел, пан ротмистр... – Смущенно кашлянув, улан протянул Подопригора-Пшекшивильскому кружевную тряпочку.

– Езус Мария! – выкатил глаза Балмута, раздувая ноздри, словно жеребец. – Вот это да!..

– Это что такое? – с подозрением спросил командир отряда, повертев в руках рваную находку.

– Судя по некоторым признакам... э-э-э... часть дамских панталон, – отозвался следопыт, чувствуя, как его щеки начинают гореть, и вовсе не от жаркого солнца. – Самая... э-э-э... серединка.

Лица и шеи остальных улан синхронно вытянулись.

– Лопни мои глаза! – выдохнул Балмута. – Дорого бы я дал, чтобы увидеть этикие панталончики на красивой панночке! А еще дороже – чтобы потом снять их...

– Придержите язык, вахмистр! – не вытерпел Подопригора-Пшекшивильский, лицо которого тоже зарделось, прямо в жар и пот бросило: так явственно представил себе панну Агнешку Краливскую, по которой давно вздыхал, в столь дивных панталонах, непристойно коротких и прозрачных, но оттого тройне соблазнительных... После чего снова повернулся к улану-следопыту. – Но что это за чудная материя?!

– Не могу знать, пан ротмистр... Сам такое впервые вижу... Позвольте продолжать?

– Продолжай! – Ротмистр машинально потянулся утереть взмокший лоб той самой тряпочкой, но тут же, отдернув ру-

ку словно от огня, торопливо запихал сей интимный предмет в карман кунтуша. Уланы едва сдержали хохот, Балмута фыркнул, зажав рот ладонями. – Что про покойников скажешь?

– У двоих сломаны шеи, отчего погиб третий – понять сложно. Ни ран, ни видимых увечий не вижу. Правда, на горле два чуть заметных синяка, вот тут и тут... Прямо поверх шейных жил. И все.

– Так отчего же он сдох, сто чертей мамаше его нечестивой во все отверстия?! – начал злиться Подопригора-Пшекшивильский.

– Не могу знать, пан ротмистр! – снова сокрушенно развел руками улан. – А вот про лошадей все яснее ясного. Две удрали, на третьей та самая дама уехала, которую эти твари пытались... – Улан смущенно замаялся, глядя на кружевной краешек, точащий из кармана командира. – Вместе с неведомым спасителем. Сомнений быть не может – отпечатки подков стали гораздо глубже, значит, лошадь двойную ношу несла.

– А про спасителя этого сказать что-нибудь можешь?

Улан покачал головой:

– Проше пана, я же не ясновидящий! Понятно, что не только храбр, но и очень силен, коль голыми руками троих прикончил. Прятался в засаде, лежку себе в траве сделал – то место я нашел. Стало быть, опытный воин. А вот следы какие-то чудные – был не в сапогах, за это ручаюсь, а в чем

– не пойму. Я таких диковинных отпечатков никогда не видел! И еще одно... уж не знаю, заинтересует ли это пана ротмистра...

– Говори!

– После того как он крымчаков прикончил, со спасенной дамой... Ну, вы понимаете. Снял с одного татарина саблю, вогнал в землю чуть не по самую гарду – она до сих пор там торчит, можете своими глазами убедиться, – уложил и привязал лошадь к ее рукояти, а сам...

– Ай, молодец! – глумливо хохотнул Балмута. – Вот это я понимаю, по-нашему, по-боевому: спас даму от насильников – тут же получай награду, с места не сходя!

Грянул дружный смех.

– Тихо! – повысил голос ротмистр. – Что еще?

– Больше ничего сказать не могу. Даст бог, догоним – тогда сами все узнаете.

– В какую сторону они уехали?

– Вон в ту, пан ротмистр. Прямо на север.

Подопригора-Пшекшивильский задумался, теребя кончик тонкого уса.

Они прискакали сюда, двигаясь по следам трех верховых, обнаруженным все тем же бывшим охотником. Хоть следопыт клялся, что лошади подкованы по-татарски, это еще ничего не значило – на них могли ехать и казаки, и даже презренные хлопы, одураченные призывами и обещаниями проклятого Хмельницкого... Мало ли как могут лошади попасть

к другим хозяевам! Но в любом случае это наверняка были враги. А потому их следовало захватить и выпытать все, что они знают. Даже если им известно совсем немного. Князь четко и ясно приказал: получать любые сведения, где только возможно...

Теперь же вместо трех потенциальных «языков» наличествовали три хладных трупа. Точнее, три еще теплых трупа, но сути это не меняло.

Что за человек расправился с ними – в одиночку, голыми руками? Кто он такой, откуда здесь взялся? Если казак Хмельницкого – почему был без оружия, без лошади? Если хлоп – как сумел справиться сразу с тремя обученными, сильными воинами? Даже если учесть, что те возились с пленницей... И что это за пленница? Наверняка красивая, если ради нее безоружный мужчина вступил в смертельный бой, рискуя жизнью. Может, даже знатного рода...

После недолгих раздумий Подопригора-Пшекшивильский махнул рукой, указывая на север, и первым прищпорил коня.

Глава 5

Чтение с детских лет было моей страстью, а уж исторические романы я готов был проглатывать в любом количестве. Среди них мне попался и двухтомник «Переяславская Рада» Натана Рыбака и трилогия Михайлы Старицкого «Перед бурей», «Буря», «У пристани». Само собой, и мимо знаменитого романа Сенкевича «Огнем и мечом» я никак не мог пройти. За которым, разумеется, последовали «Потоп» с «Паном Володыевским»... Научно-популярными книгами я тоже не пренебрегал, благо в советские времена их издавали огромными тиражами, и стоили они совсем немного. Тем более мой самый любознательный – подростковый – период жизни пришелся как раз на последние годы перед распадом СССР. Потом, знаете ли, стало уже не до книг...

Словом, историю бурного и кровавого XVII века на той части земли, которая ныне зовется Польшей и Украиной, я знал весьма неплохо.

Если охарактеризовать ее очень коротко, то можно ограничиться одним-единственным словом: бардак. Полный, абсолютный, беспредельный. Анархия и безвластие. Неукротимое своеволие и чудовищный эгоизм дворянства, как его ни называй – то ли казацкой старшиной, то ли шляхтой. Сдирание трех шкур с простого люда. И бесконечная череда мятежей, войн, перемирий, предательств, военных союзов, лег-

ко заключаемых и еще легче нарушаемых...

А Россия-матушка, которую тогда за рубежом предпочитали называть Московией, естественно, в итоге оказывается кругом виноватой! Поляки клянут за то, что поддержала батьку Богдана – бунтаря и злодея, помогла ему отщипнуть от Речи Посполитой изрядный кусок. Братья-украинцы – за то, что не поддержала, дескать, должным образом, не смогла отбить у Речи Посполитой второй берег Днепра, нарушила данное Богдану – герою и освободителю – слово, потихоньку стала зажимать казачьи вольности и привилегии... Так чему же удивляться, что новый гетман Выговский к полякам переметнулся, Гадяцкую унию с ними заключил!

Да если бы одним Выговским дело ограничилось... Начнешь перечислять гетманов, которые двойную игру вели, пытаясь услужить «и нашим и вашим», – со счету можно сбиться. Юрий Хмельницкий (да, да, родной сын почившего батьки Богдана!), Тетеря, Дорошенко... И все, не краснея, винили Россию, что мало, дескать, помогала, бросила на произвол судьбы, оставила на растерзание полякам с крымчаками. Так и потянулась череда предательств, достигнув своего апофеоза в лице Мазепы, которого многие на Украине сейчас считают героем и «лыцарем» без страха и упрека...

А ведь Россия, прошу заметить, из-за братьев своих православных ввязалась в тяжелую, затяжную войну с Речью Посполитой! И вела ее аж до 1667 года! Заплатив и изрядной убылью в войнах, и разорением приграничных земель,

и великим оскудением казны, и, естественно, вытекшими из этого тяготами да обнищанием податного люда... Знаменитый Медный бунт просто так вспыхнул, что ли? И Стенька Разин выскочил ни с того ни с сего, как черт из табакерки? Это называется – «не поддержали»?! «Бросили на произвол судьбы»?!

И что в результате? С Речью Посполитой стали вековыми и кровными врагами, и по сей день – в начале двадцать первого века! – вражде этой конца не видно. А братская Украина откололась, и, похоже, навсегда. Попутно обвинив Россию во всех бедах и невзгодах своих и прихватив с собою Крым, сдуру волюнтаристом Хрущевым поднесенный в качестве подарка к трехсотлетию «воссоединения»...

А ведь все могло быть по-другому... Совершенно по-другому! Не было бы ни разделов Речи Посполитой, ни предательского истребления русского гарнизона в Варшаве, ни ответного кровавого штурма Суворовым варшавского предместья Праги... Ни корпуса Понятовского в Великой армии Наполеона, ни войн, ни оголтелой пропаганды и нескончаемых упреков за пакт Молотова – Риббентропа, за Катынь, за то, что в 44-м не помогли Варшавскому восстанию... И мы не отвечали бы встречными упреками, напоминая о полке Дзержинском – председателе ВЧК, о провокациях, о набегах банд Булат-Балаховича, Тютюнника и многих прочих атаманов на наши города и села с польской территории, о мученической гибели многих тысяч красноармейцев в поль-

ском плену... О том, что боготворимый поляками Пилсудский был сначала террористом, а потом стал самым настоящим диктатором! Вместо этих нескончаемых, бессмысленных ссор и распрей мог быть союз двух могучих государств, на зависть и страх всему миру. Как его ни окрести: «Уния», «Конфедерация», «Двуединая держава»... Пусть даже каждая из стран, входящих в него, пеклась бы в первую очередь о собственных интересах и подданных...

Мало кто знает, что знаменитый Иван Грозный мог стать... королем Речи Посполитой! Сами поляки с литвинами, перед тем как избрать королем Стефана Батория, предлагали корону или русскому государю, или сыну его, с одним лишь категоричным условием: новый король должен перейти в католичество. Наш царь не пожелал изменить вере предков и царевичу не позволил, не в пример «веселому королю» Генриху Четвертому, спустя некоторое время произнесшему историческое: «Париж стоит мессы!» Правильно сделал, наверное: легко представить, какая смута тотчас началась бы на Руси... Но если бы – ах, опять это сослагательное наклонение! – если бы удалось общими усилиями найти какой-то компромиссный, взаимоприемлемый вариант... на карте Европы появилась бы ТАКАЯ могучая, неодолимая силища!

Речь Посполитая на веки вечные избавилась бы от внешних угроз: кто из тогдашних правителей-соседей, будь то швед, крымчак, турок или немец, начал бы с ней войну, зная, что тут же обретет врага и в лице загадочной могучей Мос-

ковии! А мы, соответственно, с ее помощью приобщились бы к европейской жизни, стали бы развивать науки, внедрять новое, доселе неизвестное... Опять же, и нам было бы куда лучше в случае войны иметь рядом не врага и не хитро-расчетливого соседа, прикидывающего, как бы отхватить кусок-другой нашей территории, воспользовавшись удобным моментом, а сильного и храброго союзника. Поскольку в тогдашние времена и поляки, и литвины, что ни говори, рубиться умели! Добрые были воины.

И те самые реформы – назревшие, жизненно необходимые! – к которым Петр Великий буквально силком, за волосы, тащил нашу обезумевшую, отчаянно упиравшуюся страну, не щадя ни себя, ни других, замучив и уложив в безымянные братские могилы бесчисленное количество душ, тогда почти наверняка удалось бы провести гораздо раньше и гораздо меньшей ценой. Ведь родитель его, Алексей Михайлович, отнюдь не чурался полезных новшеств. И царевна Софья, вошедшая в учебники как ярая ретроградка и злейшая ненавистница дел гениального сводного брата своего, на самом деле была другой, совершенно другой... Просто историю пишут победители, вот и очернили бедную женщину с холопским усердием.

Эти мысли снова и снова всплывали в моей голове... Да, так уж вышло, что пришлось уподобиться тому самому янки из Коннектикута, оказавшемуся в 528 году от Рождества Христова при дворе короля Артура... Ну а я – в 1648-м, при

дворе светлейшего князя Иеремии Вишневецкого... Правда, до князя еще не добрался, но постараюсь. Все силы приложу. Во-первых, умирать пока не хочется – не так много я прожил на этой земле. Во-вторых, на мне лежит персональная ответственность за Анжелу – без меня она или погибнет, или, в лучшем случае, окажется на невольничьем рынке в Крыму... Где он там был – кажется, в Феодосии, бывшей Кафе? На мгновение мелькнула шальная мысль, навеянная «Роксоланой», но тут же исчезла. Тогда нравы были строгими, в султанский гарем попадали только девственницы. Анжеле подобное не светит. А жаль... Владыка Блистательной Порты дара речи лишился бы, только увидев игриво подмигивающую кошечку на ее лобке, бери голыми руками, проси чего хочешь...

Кстати, надо сказать ей, чтобы ликвидировала это безобразие! При первой же возможности. Сейчас действительно не та эпоха – в лучшем случае ославят как блудницу вавилонскую, в худшем – спалят на костре без долгих разговоров как ведьму.

В-третьих... Черт побери, почему бы мне действительно не стать Хозяином? Конечно, эпоха совсем другая, с шестым веком не сравнить, но я все равно многое знаю и умею. Зарекомендую себя, сделаюсь доверенным лицом князя, первым помощником, буду этак деликатно, невзначай, подсказывать, направлять его мысли, его поступки... Даже... О-о-о, вот это было бы просто великолепно! Если Вишневецкий станет

королем, какие откроются перспективы! Подумать боязно... Пусть даже король в Речи Посполитой – совсем не то, что царь в Московии, чуть ли не чисто декоративная фигура. Уж князь-то не позволит обходиться с собой, как с безмолвной пешкой. Тем более если за его плечом буду стоять я – «серый кардинал»!

Моя фантазия заработала на полных оборотах, выдавая такое, что просто голова шла кругом...

Сейчас, судя по всему, самый конец мая или начало июня. Отряды Заславского, Концепольского и Остророга должны пойти на Украину – давить «взбунтовавшееся быдло» – примерно через полтора месяца. А потом начнется безудержное пьянство спесивых шляхтичей в лагере под Пилявцами, бахвалившихся, как это самое «быдло» они разгонят одними лишь кнутами, без всяких сабель и пушек... Чуть позже последует закономерный, вполне заслуженный разгром и страшное, позорное бегство.

У меня не больше полутора месяцев, чтобы переломить ситуацию. Встретиться с Вишневецким, войти к нему в доверие, убедить, что желаю ему и Речи Посполитой только добра... Стоп! А как его убедить? Как заставить поверить мне?

Я мысленно поставил себя на место князя. Приводят в мой замок человека, странно одетого, никому не известного, без документов, без рекомендательных писем, несущего откровенный бред, и при этом утверждающего, что он знает,

как мне нужно поступать – так, дескать, будет лучше и для меня, и для государства... Какова будет моя реакция? Ясное дело, прогоню наглеца с глаз долой, а если буду в дурном настроении, еще и прикажу всыпать ему плетей, чтобы не забывался, место свое помнил, ясновельможным панам всякими глупостями не докучал. Просто и понятно. Какие еще могут быть варианты? В лучшем случае приму его за душевнобольного, тогда велю накормить и отпустить с миром: ступай, мол, на все четыре стороны, убогих обижать – великий грех... В худшем – за вражеского лазутчика или вовсе за посланца Сатаны... И тогда... Стоп!!!

На мое лицо напоззла ехидная, торжествующая усмешка.

– Вот именно – за посланца! – чуть слышно прошептал я. – Но не Сатаны.

Глава 6

Князю Иеремии-Михаилу Корбуту-Вишневецкому на ту пору исполнилось только тридцать пять лет. Но накопленного опыта – и воинского и житейского – с лихвой хватило бы на пяток людей куда более почтенного возраста. И внешним видом своим он сейчас походил на человека, переступившего полувековой рубеж: глубокие морщины избороздили княжеский лоб, под глазами появились набрякшие мешки, кожа стала какой-то желтоватой, как при больной печени, черные волосы обильно засеребрились.

Глаза же остались прежними – умными, пронзительными, обжигающими. Мало нашлось бы в Речи Посполитой храбрцев, способных смотреть прямо в них, когда князь был в гневе. Вот и посланники бунтаря Хмельницкого, прибывшие два дня назад в Лубны с его письмом и изъявлениями низжайшей почтительности, не выдержали, отвели глаза в сторону... Что, впрочем, не спасло их от мучительной и позорной казни.

– Собакам – собачья и смерть! – ответил Вишневецкий на робкие увещевания приближенных, твердивших, что не к лицу прославленному князю позорить свое имя и титул, поступая так с послами, чьими бы они ни были. – И еще, панове, поймите: слишком многое стоит на кону. Вспомните, с чего начал Цезарь, завоевывая Британию! Сжег свои кораб-

ли, чтобы отступить было некуда. Вот и я сжигаю. Чтобы все мои люди, от последнего жолнера до вас, знали: пощады нам не будет! Или победим, или умрем в лютых муках, как эти псы. Ясно ли?

Сейчас князь не гневался, скорее, пребывал в тягостном недоумении. Но взгляд его по-прежнему был тяжел и хмур. Не то что хлоп – прославленный шляхтич испугался бы. Даже не зная за собой никакой вины.

А вот человек, стоявший в нескольких шагах от кресла князя, больше похожего на трон, не боялся. Был напряжен, испытывал волнение, но не страх. Это Вишневецкий почувствовал и понял сразу, инстинктивно, как только окинул его взглядом. Ротмистр Подопригора-Пшекшивильский не ошибся: странный человек, очень странный, но явно не сумасшедший, и на обманщика не похож... Князь испытывал неподдельное любопытство и вместе с тем раздражение, как бывало всякий раз, когда он сталкивался с загадкой.

– Так, значит, этот пан наотрез отказался отвечать? – еще раз на всякий случай уточил он, выслушав рапорт ротмистра.

– Проше ясновельможного князя, наотрез! – с почтительной робостью откликнулся Подопригора-Пшекшивильский. – Сказал вежливо, но твердо: «Пан ротмистр, вы сами прекрасно понимаете, что есть вещи, о коих подобает знать ротмистру, но никак не рядовому улану. Так и здесь: мои сведения столь важны и ценны, что могу сообщить их только

пресветлому князю Яреме, но никак не вам, со всем моим уважением!» Я уж его и так и эдак уговаривал, даже грозил – ни в какую! Силу применить не осмелился, проще князя... А вдруг он и впрямь для вашей ясновельможности ценным окажется?! И потом... – Ротмистр как-то смущенно запнулся. – Что-то говорит мне: не тот это человек, с которым можно так поступать. Станный он. Очень странный и непонятный! Проще князя, если бы он вслух «Отче наш» не прочел и не осенил себя крестным знамением, впору было бы думать самое плохое... И женщина, увидев это, тоже перекрестилась. Хоть крест неправильный, коим московитяне-схизматики пользуются, а все-таки христианский... – Ротмистр снова запнулся, покраснел, в который уже раз мысленно выбрав свой слишком проворный язык, работающий вперед головы.

Ведь вся Речь Посполитая знала, сколь тяжело переживает пресветлый князь, что дедом его был знаменитый Байда Вишневецкий. И про зарок покойной матери князя знала... Не разбирая, сколько в том истины, а сколько выдумки да сплетен.

– Пан заподозрил, что они – посланцы врага рода человеческого? – усмехнулся Вишневецкий, то ли не заметив неловкости ротмистра, то ли великодушно сделав вид, что не заметил. – Право, это уже чересчур! Только потому, что мужчина в странной одежде и говорит столь же странные вещи?

– Проше ясновельможного князя, но ведь откуда-то взялась эта одежда! – горячо отозвался ротмистр. – Столь диких штанов я в жизни не видел! А обувь! И рубаха ни на что не похожая... И еще... Смирненно прошу прощения, но обязан, по долгу службы... – Ротмистр, густо покраснев, извлек из кармана кунтуша кружевную «серединку», потом, боязливо оглядевшись, хоть в кабинете князя они были одни, нагнулся к уху его, начал что-то вполголоса говорить.

– Кх-м! – откашлялся Иеремия, также смутившись, хоть и далеко не столь сильно. – В самом деле... Увы, падение нравов у нас достигло небывалых границ – впору вслед за Цицероном воскликнуть: «О темпора! О морес!»³ – но я даже в страшном сне не рискну представить, чтобы какая-то пани или панна носила... э-э-э... такое. Тут недолго до проклятия с амвона! Хотя, если честно... Кх-м!!! Да ну вас, право слово! Нашли, что показывать! Немедля уберите этот срам! Спрячьте обратно, откуда достали! Так о чем я?.. Ах да! А что можете сказать про женщину?

– Молодая, красивая, проше князя... – испуганно отозвался ротмистр, поспешно запихивая в карман вещицу, которая ввергла грозного начальника в этакую растерянность. – Со слов пана, она из знатного московитского рода.

– С его слов? А у нее самой что, языка нет?

– Вот именно, нет! То есть, проше князя, конечно же, есть, только бедняжка от перенесенного ужаса онемела. Слышать

³ «О времена! О нравы!» (лат.). Приписывается Цицерону.

слышит, а говорить не может, пытается, а ничего не выходит, только какое-то мычанье! Ведь пан пришел ей на выручку в самый последний момент, когда эти негодяи... Вот язык и отнялся. Может, со временем, с Божьей милостью, речь к ней вернется. Я пока поручил ее заботам женщин, ведь у бедняжки ничего не осталось, татары даже одежду ее в ключья порвали! Пришлось ей, махнув рукой и на стыд и на приличия, мужское платье нацепить, снятое паном с одного из покойников...

Вишневецкий, немного подумав, решительно хлопнул ладонью по подлокотнику кресла:

– Что же, я выслушаю этого странного пана. Может, у него и впрямь важные сведения. А если он наврал... – Губы князя скривились в недоброй усмешке.

Подопригоре-Пшекшивильскому хорошо было известно, что предвещает такая усмешка, и потому по телу его пробежал холодок. А ну как гнев князя обрушится не только на странного незнакомца, попавшегося его отряду в степи, но и на незадачливого ротмистра? Великие – они в раздражении не особо разбирают, кто прав, а кто виноват.

– Проше ясновельможного князя, этот человек может быть очень опасным! – заторопился он, облизнув пересохшие от волнения губы. – Трех крымчаков голыми руками...

– Ничего, я не из пугливых, – снисходительно отмахнулся Вишневецкий. – И вполне полагаюсь на своих людей. Если что – пану Дышкевичу будет забава!

...Князь, нарушив затянувшуюся тишину, заговорил спокойным, размеренным голосом, в котором, однако, явственно слышалась угроза:

– Ты хотел видеть меня, чтобы сообщить нечто важное? Сначала назови себя, поскольку кто я – ты знаешь, а ни имени твоего, ни звания я пока не ведаю. А потом изложи сведения, с которыми шел ко мне. Искренне надеюсь, для твоего же блага, что они и впрямь важные! Поскольку я не тот человек, с кем можно шутки шутить.

Все присутствующие – ротмистр Подопригора-Пшекшивильский, два советника князя, его духовник ксендз Миккульский, начальник личной княжеской охраны пан Леопольд Дышкевич – беспредельно преданный господину своему широкоплечий гигант, не только сильный, как пантера, но и столь же проворный, несмотря на рост и грузность, и даже четверо стражников, – не сговариваясь, инстинктивно кивнули. Действительно, с сиятельным князем шутки плохи! Пан Дышкевич также буквально прожег взглядом человека в странной одежде, прикидывая, может ли исходить от него какая-то опасность, и заодно безмолвно предупреждая: всякие худые мысли лучше оставить.

– Меня зовут Андреем, прославленный князь! – отозвался незнакомец. Почтительно, но без тени робости или раболепия. – Звание же мое, увы, ничего не скажет ни тебе, ни прочим почтенным господам. – Он обвел взглядом людей,

стоявших по обе стороны кресла. – Но, по вашим понятиям, оно примерно соответствует полковнику. Что же касается сведений, которые я должен сообщить тебе... Клянусь, они и впрямь очень важны. Настолько важны, что оценить их в полной мере может только твое княжеское сиятельство... – Он на мгновение запнулся. – Или светлость... Поэтому почтительно прошу пресветлого князя выслушать меня наедине. Я также прошу прощения, если неверно называю титул или допускаю другие ошибки! – торопливо уточнил странный человек, видя, как брови Иеремии недовольно сдвинулись. – Видит Бог, не умышленно, не из желания обидеть, а только по незнанию.

– Это я охотно прощаю, – кивнул князь. – А вот твоя просьба о приватной аудиенции уже граничит с непозволительной дерзостью! Я и так оказал тебе немалую честь, впус- тив сюда. Говори и ничего не опасайся, тут лишних ушей нет. Всем этим людям я много раз доверял свою жизнь, я им верю как самому себе... Говори же!

Видя, что незнакомец колеблется, Вишневецкий повысил голос:

– Не испытывай ни судьбу, ни мое терпение! Я не привык повторять!

Человек, называвший себя Андреем, вдруг улыбнулся:

– Уж не боишься ли ты, пресветлый князь? Даю слово: если бы я хотел причинить тебе зло, никто из присутствующих не смог бы помешать мне.

Пан Дышкевич, яростно раздувая ноздри, повернулся к Иеремии:

– Проще ясновельможного князя, этот наглец смеется и над твоею княжеской милостью, и над всеми нами!

У пана ротмистра нехорошо засосало под ложечкой. Вот это влип, Матка Боска! Теперь, вместо похвалы и протекции, будет нечто совсем иное... А про желанное полковничье звание, равно как про панну Агнешку Краливскую, лучше даже не вспоминать.

Стражники, словно по команде, напряглись, инстинктивно потянулись в сторону незнакомца, готовые наброситься на него.

Вишневецкий, слегка приподнявшись, угрожающе произнес:

– В последний раз говорю: или ты немедленно...

Докончить фразу князь не успел. По залу будто прошел вихрь.

...Впоследствии, вспоминая страшные эти мгновения, все присутствующие (только в частных разговорах меж собою, чтобы, упаси боже, не нарушить строжайший запрет Иеремии, а заодно не выставить самих себя на посмешище) клялись всеми святыми: никто не успел ничего толком ни разглядеть, ни понять. Незнакомец перемещался со скоростью почти немыслимой; движения же стражников, пана ротмистра Подопригоры-Пшекшивильского и даже пана Дышкевича на его фоне казались судорожным дерганьем мух,

увязших в густом сиропе.

Точнее, это сравнение пришло на ум уже после, когда миновали первый испуг и потрясение. А поначалу остолбеневшим панам и ксендзу показалось, что они видят кошмарный сон. Два стражника, первыми метнувшиеся навстречу странному человеку, назвавшемуся Андреем, каким-то образом пребольно врезались друг в друга. Третий с утробным воем согнулся пополам, прижав ладони к низу живота, а четвертый брякнулся на спину, смешно дрыгнув ногами в воздухе. И точно так же рядом с ним на полу оказался пан Дышкевич. Уланский ротмистр успел выдернуть саблю из ножен... но она тут же с жалобным звоном отлетела далеко в сторону, а за нею последовал ее владелец, только чудом не расквасивший нос о дубовый наборный паркет зала. А сам ясновельможный князь Иеремия...

Он не посрамил свое имя и титул, сохранив внешнюю невозмутимость и достоинство. Насколько это возможно для человека, оказавшегося в подобном положении. Ни один мускул не дрогнул на лице Вишневецкого, лишь его глаза, горевшие беспредельной яростью, но в которых вместе с тем отчетливо была видна растерянность, говорили о многом!

Странный и страшный незнакомец, молнией скользнувший за спинку кресла князя, левой рукой цепко обхватил его лоб, запрокинув голову, а правой приставил к княжескому горлу лезвие кинжала, несколько мгновений назад покоящегося в ножнах на поясе пана Дышкевича.

– Всем стоять на месте! Не двигаться! – прозвучал его голос. Холодный и твердый, как сталь того самого оружия...

Глава 7

Я почуял погоню еще до того, как до моих ушей донесся дробный перестук копыт, изрядно приглушенный расстоянием и травой: снова сработал внутренний голос. Точнее, те навыки, которые накрепко вколотили в меня за долгие годы (и в переносном, и в самом буквальном смысле слова).

Молниеносно обернувшись, увидел небольшой отряд конников. С невыразимым облегчением убедился: явно не крымчаки. Чуть погодя пришел к выводу, что и на казаков не слишком-то похожи... Ладно, была не была! В любом случае убежать бессмысленно, догонят.

Я слегка хлопнул ладонью Анжелу по плечу:

– Поворачивай коня! И не пугайся...

– А что такое... Ой! – инстинктивно вскрикнула она, увидев приближающихся всадников.

– И не ойкай! – внушительно произнес я. – Это не татары, и не люди Хмельницкого... Это братья-поляки... чтоб я сто лет без такой родни жил! Те самые, которые доставят нас к князю.

– Т-точно д-достав-вят? – У блондиночки застучали зубы.

– А куда они денутся! – улыбнувшись, я подмигнул ей, постаравшись, чтобы ни в выражении лица, ни в тоне не было даже тени сомнения. – Главное, молчи и не вмешивайся. Запомни: ты – немая...

– Что??! Да ты рехнулся! – Анжела то ли от потрясения, то ли от обиды даже заикаться перестала.

– Не возражай! Так надо! Улыбайся, кивай, мычи...

– Да я тебя! Тоже, нашел корову!

– Тьфу ты, господи! Я хотел сказать: пытайся что-то произнести, но нечленораздельно. Тебя эти татары перепугали до полусмерти, вот и... Не бойся, это только временно! Пока я не переговорю с князем. А вообще-то, ты – боярская дочь из Москвы. Или княжеская...

– Кто?!

«Надежа-царь говорит, что я – князь Милославский!» – вспомнилась тут ни с того ни с сего фраза из «Ивана Васильевича».

– Княжна Милославская! – машинально ответил я. – А теперь – все! Молчи! Да, и не забудь: тогда крестились двумя перстами! Двумя, не тремя! Не перепутай!

Конники были уже совсем близко. Впереди, низко пригнувшись, скакал совсем еще молодой поляк с покрасневшим лицом и лихо закрученными тонкими усами, в светло-коричневом кунтуше, богато расшитом золотой нитью. Глаза сверкали охотничьим азартом... Командир?..

Я торопливо спрыгнул, еще раз шепотом напомнил Анжеле: «Не забудь, ты немая!» – левой рукой ухватил поводья, а правую высоко поднял вверх, обратив к преследователям открытую ладонь.

«Только бы сгоряча не порубили или палить не начали...»

– Хэлло! Ду ю спик инглиш?! – закричал я во всю силу легких, глядя в глаза головному.

Он резко осадил лошадь, уставившись на меня с нескрываемым изумлением. То же самое сделали и остальные.

– Парле ву франсе?! – продолжал я надирать горло, натянув на лицо самую искреннюю и дружелюбную улыбку. – Шпрехен зи дойч?!

В глазах командира мелькнуло что-то похожее на понимание, но тут же исчезло, сменившись раздраженной досадой и каким-то смущением.

«Так, в немецком ты тоже не силен... А если вот так?»

– Коннити ва! Ватакуси-ва Андареи-то иимасу! О генки дес-ка?⁴ – уже откровенно издеваясь, произнес я все с тем же любезным выражением лица. – Ити, ни, сан, си, го, року...⁵

Поляк вдруг выпучил глаза и издал сдавленный горловой звук, будто хотел что-то сказать, а в этот момент невидимым шнурком стянули шею. Он смотрел на что-то, находящееся сзади и чуть выше меня, будто на призрак. Точнее, на кого-то...

Все другие всадники, не сдержавшись, дружным хором ахнули.

Я молниеносно обернулся. Анжела, снявшая татарскую шапку, смотрела на командира отряда чуть смущенно, но с явным интересом. Длинные золотистые волосы рассыпались

⁴ «Здравствуйте! Меня зовут Андрей! Как вы (поживаете)?» (яп.)

⁵ «Один, два, три, четыре, пять, шесть...» (яп.)

по плечам и груди, щеки покраснелись, глаза потеплели...

«Нашла время кокетничать, дуреха!» – мысленно выругал я ее, но тут же спохватился: напротив, она умничка! Лишь бы не забыла про «немоту»...

– Пан говорит по-русски? – слегка коверкая язык, спросил я поляка, решив, что он уже доведен до кондиции. Мало того, что языкам не обучен, так еще и попавшийся ему «татарин» оказался красивой женщиной!

– Так, так! – с нескрываемым облегчением откликнулся тот, не отрывая взгляда от Анжелы. – Разговляю!

– Сам Бог послал пана и его людей! – подхватил я тем же тоном. – Имею срочные и важнейшие сведения, предназначенные для пресветлого князя Иеремии Вишневецкого!

Все прошло даже легче, чем я рассчитывал. Вот только не знаю, из-за моей твердости и настойчивости или из-за того, что поляк, судя по всему, изрядно «запал» на Анжелу... И – только не смейтесь! – я даже ощутил нечто похожее на ревность.

Конечно, понимал: это смешно, нелепо! Какие у меня на нее права? Даже учитывая нашу бурную близость час тому назад в высокой траве под шумный стрекот кузнечиков и фырканье лошади... Она – взрослая, самостоятельная женщина.

И все-таки ничего не мог с собой поделаться...

Командир отряда, назвавшийся ротмистром Тадеушем Подопригора-Пшекшивильским – боже мой, ну и фами-

лия! – буквально из кожи вон лез, выпытывая, что же это за сведения, с которыми я стремлюсь к князю. Причем это было не праздное любопытство, а служебное рвение (уж в этих-то делах я не ошибаюсь). Не хотелось ни разочаровать, ни обижать славного парня, да и лезть на рожон не следовало, поэтому я в конце концов прибег к очень наглядному и убедительному аргументу: то, что положено знать только командиру, нельзя сообщать рядовому. Может, он все-таки обиделся в глубине души, но не подал виду.

А вот насчет Анжелы... Да, тут пришлось изрядно поломать голову!

Она играла свою роль очень даже неплохо. Конечно, любая профессиональная актриса или рассмеялась бы, или страдальчески закатила глаза, глядя на ее старания... но простодушные воины приняли все за чистую монету. Панна принадлежит к знатному московитскому роду, была похищена лихими людьми из родительского дома и продана татарам, ухитрилась сбежать, потом ее настигла погоня. Трое крымчаков, разозленные бегством, в ключья порвали ее одежду и уже хотели надругаться, но тут по счастливой случайности подоспел пан Анджей (так я представился)...

– А где это пан наловчился так драться? – с уважением, но и нескрываемым подозрением спросил грузный широколицый поляк, к которому другие почтительно обращались «пан вахмистр». Я сразу инстинктивно почуял: бывалый воин! К тому же явно умен и проницателен, хоть с виду про-

стак простаком. Может быть опасным, с ним надо держать ухо востро.

– У меня были хорошие наставники, – вежливо ответил я, улыбнувшись.

– Оно и видно! Хотелось бы мне у них поучиться! – кивнул поляк.

– О, это была бы честь для них! – поддакнул я, решив не объяснять, что тогда пану вахмистру как минимум следовало бы скинуть и года и вес. Польский гонор – серьезная вещь, злить лишний раз не надо...

А еще он буквально сверлил глазами мою одежду. И все остальные – тоже. Я без труда догадывался, что им очень хотелось пощупать ее, и только дисциплина не позволяла... Впрочем, их можно понять: ни джинсов, ни кроссовок в XVII веке еще не было!

Дабы избежать напрасных суеверных страхов, грозящих непредсказуемыми последствиями, я сразу после встречи прочитал «Отче наш» и перекрестился. У Анжелы хватило ума повторить крестное знамение. Поляки заметно успокоились, хоть и не скрыли недовольства: «схизматики»! Но главное – не прислужники дьявола...

В конце концов, убедившись, что странный человек, встреченный им в степи, твердо намерен говорить только с самим Вишневецким, ротмистр со смешной фамилией приказал двигаться в Лубны. Я украдкой вздохнул с облегчением: пока все шло по плану! Не приведи бог, попался бы упер-

тый служака, решивший во что бы то ни стало получить эти сведения на месте с помощью средневекового форсированного допроса... И что тогда? Лучше даже не думать. Ясное дело, я бы его сразу прикончил. Нескольких других – тоже. А остальные прикончили бы меня. И что случилось бы с Анжелой?..

Но молодой поляк оказался здравомыслящим человеком, за что я был ему благодарен. Честно говоря, он мне понравился. Есть такие люди, к которым сразу же, инстинктивно, чувствуешь искреннюю симпатию... Жалко было бы убивать. Хоть и запал он на Анжелу, сукин сын, ох, запал... Вид – будто у кота, облизывающегося на миску со сметаной.

Ладно, еще посмотрим!

– А будет ли по пути привал? – обратился я к нему. – Желательно, чтобы на берегу речки или пруда... Бедная панна так устала... ну, вы понимаете, пан ротмистр.

– Да, да, безусловно! – чуть запинаясь, отозвался он. – Пусть пан не волнуется, по дороге будут и речки, и ставки⁶. Сожалею, что женское платье панна может получить только в Лубнах... Больше взять негде: вся округа обезлюдела, обыватели убежали под защиту князя. Можно, конечно, поискать в хатах, вдруг что оставили... но на здешний люд это не похоже. Наверняка все с собой прихватили, до последней нитки... Так что придется панне пока быть в татарской одежде, увы!

⁶ Ставок – пруд (*польск.*).

Анжела с видом смиренной великомученицы промышчала что-то, воздев глаза к небу: мол, что поделать, Господь терпел и нам велел... А потом уставилась на ротмистра, вложив в свой взгляд самую горячую благодарность, смешанную со смущенной скованностью неопытной девицы.

Ротмистр, покраснев, отвернулся, пробормотав что-то невразумительное.

«Ах, стерва! – с раздраженным восхищением подумал я. – Актриса, блин!»

Тогда я, разумеется, не догадывался, что Подопригора-Пшекшивильский испытывал просто адские муки, чувствуя, как его любовь к Агнешке Краливской вытесняется внезапно вспыхнувшей страстью. Молодой поляк твердил себе, что это недостойно и не подобает рыцарю, что надо бороться с искушением, что хоть золотисто-медовые волосы московитянки чудо как красивы, но локоны панны Агнешки цвета воронова крыла не только не хуже, но и лучше... Все было тщетно. Особенно когда грешное воображение рисовало ему странную московитянку в тех самых крохотных кружевных панталончиках, которые сейчас покоились в кармане его кунтуша...

Это я узнал гораздо позже, так что не буду забегать вперед.

По дороге я пытался разговорить ротмистра, чтобы между делом получить информацию о князе. Но тот, видимо, все еще смущаясь соседством Анжелы (ехали-то мы по-прежне-

му на одной лошади, поскольку запасной в отряде не оказалось!), отвечал коротко и неохотно. Единственное, что удалось из него выжать: князь строг, но справедлив, сурово наказывает, но и щедро награждает, требует от своих людей многого, но и сам не прячется за чужие спины.

В общем, точь-в-точь как горбатый Ричард Глостер из «Черной стрелы»!

До Лубен мы добрались на следующее утро, проведя ночь по-походному, возле небольшой речушки, берега которой густо поросли кустарником и камышом. Я украдкой смотрел и слушал, как ротмистр отдает распоряжения, как расставляет часовых, и остался доволен: молодец! Хоть и молод и горяч, а неплохой командир. Свое дело знает. И подчиненные повинуются беспрекословно, даже грузный вахмистр по имени Балмута, годящийся ему в отцы... Это хорошо, ведь дисциплина – первое дело. А как раз с ней, если история не врет, у братьев-поляков был полный швах! И в результате распалось великое государство «от можа до можа».

Смеркалось, на небе проступила пока еще чуть видная полоска Млечного Пути. От котелка, подвешенного над костром, тянуло сытным ароматом, нагонявшим слюну. Я как-то вдруг почувствовал, что уже больше суток крошки во рту не было... Чего они там варят, интересно? А главное, достанется ли хоть что-то на нашу долю? Вообще-то должны поделиться (мы ведь не пленные), тем более с женщиной «из знатного московитского рода»!.. Да уж, сболтнул первое, что

в голову пришло, теперь изволь выкручиваться... «Княжна Милославская!» Ладно, лишь бы перетянуть князя на свою сторону! А там придумаем что-нибудь правдоподобное...

Тихо ступая, ко мне подошел ротмистр, сел, по-татарски скрестив ноги, на расстеленную попону.

– Страшные времена настали, пан Анджей, – произнес он, не глядя на меня. Без всякого испуга, даже без горечи, просто констатируя очень неприятный факт. – Хлопы будто обезумели. Беженцы рассказывают такое, что волосы дыбом встают и сердце ледяной коркой покрывается! И раньше были смуты, конечно, но это просто что-то чудовищное. Неужто Господь вовсе лишил их разума?! Универсалы проклятого Хмеля – как горячая ветка, брошенная в стог сухой соломы, как мед, на который слетаются мухи да осы... Все занялось, все, понимаете?! За считанные дни...

– Проше пана ротмистра, а все потому, что слишком добры были к хлопам, цацкались с ними! – проворчал вполголоса Балмута, раскурив трубку. – Надо было чаще вешать да на кол сажать. И кнутов да палок не жалеть, вот! Быдло – оно и есть быдло. Пока чует крепкую хозяйскую руку – покорно, работяще. А чуть пожалеешь, дашь слабинку, обленится да начнет куролесить! Жесткость нужна, панове!

– Истинно, истинно так! – дружным, хоть и нестройным, хором откликнулись уланы, сидевшие поблизости.

Я решил пока не вступать в споры, хотя многое мог бы сказать по поводу «жесткости». Насмотрелся, знаете ли! В

том числе на ее результаты, которые очень часто оказывались совсем не такими, на какие рассчитывали.

– Да, страшные времена... – подтвердил я, кивнув ротмистру. Про себя отметил, что он чересчур демонстративно отворачивается от камышей, откуда доносился плеск воды, а щеки и уши его покраснелись, причем явно не от жара коистра... Эх, парень, парень!.. Не обижайся, но Анжелу я тебе просто так не уступлю. Самому нравится! Кстати, долго она там еще будет рыбу и головастика распугивать?..

Словно в ответ на этот безмолвный вопрос плеск прекратился, и через некоторое время Анжела – все в той же татарской одежде, но чистенькая и повеселевшая – выбралась из зарослей. Поляки тут же засуетились, вскакивая и наперебой приглашая панну к огню, отведать скромного угощения. Только и слышалось: «Як бога кохам...», «Падам до нужек...» и многое другое. Даже немолодой вахмистр распушил хвост – куда там павлину!

«Не забудь – у тебя отнялся язык!» – мысленно воззвал я к Анжеле, видя, как загорелись у нее глаза и растянулся в довольной ласковой улыбке коралловый ротик. Понятно, любой женщине лестны знаки внимания, а уж когда она ощущает себя королевой на балу – тут можно напрочь позабыть про все наставления и осторожность...

Но она – умница – по-прежнему исполняла свою роль безукоризненно, словно задавшись целью высмеять все анекдоты про блондинок. И при этом буквально купаясь в мужском

восторге и поклонении.

Пан ротмистр, смущенный и напряженный, старался лиш-
ний раз на нее не смотреть. Мне было его искренне жаль.

А еда, кстати, оказалась очень даже недурной... Тем более
для такого непритворного человека, как я! Да и Анжела с
аппетитом умяла ужин, не привередничала.

Вот с ночлегом вышло похуже... Понятно, не для меня –
для нее! Хоть уланы постарались устроить «панну» как мож-
но удобнее, но сложенная в несколько слоев попона – все же
не мягкая постель. Она ворочалась полночи, тщетно пыта-
ясь найти удобную позу и вполголоса постанывая от боли в
затекших боках.

Я, хоть и нашел условия ночлега вполне нормальными, то-
же спал «вполглаза». Не из-за ее страданий, а потому, что не
был уверен в часовых. Вот если бы подходы к лагерю охра-
няли мои ребята – спал бы словно убитый. А тут... Кто их
знает, этих уланов!

Глава 8

Ранним утром наш небольшой отряд двинулся дальше. Судя по тому, какое страдальческое лицо скорчила Анжела, забираясь в татарское седло, ночевка «в полевых условиях» не прошла бесследно, да и «совмещенный санузел» в виде кустов и речушки отнюдь не привел ее в восторг.

Ничего, девочка, привыкай! Семнадцатый век – это тебе не двадцать первый...

Я же, наскоро ополоснув лицо бодрящей холодной водичкой, решил попросить бритву у кого-то из поляков. Все-таки неловко являться пред княжеские очи заросшим... Но, к моему удивлению и немалой досаде, оказалось, что никто из уланов, отправляясь на разведку, не захватил с собой столь полезный предмет.

– Проше пана, мы же не на неделю собирались и не на месяц... – пояснил ротмистр. – Дня на три, на четыре, не больше! Так к чему брать с собой лишнее?

Такая «логика» мне показалась как минимум странной, но я вовремя вспомнил мудрую поговорку про свой устав и чужой монастырь и промолчал... На пару секунд мелькнула мысль: не заменить ли бритву кинжалом? Но я решительно отогнал ее. Не потому, что боялся расцарапать щеки или шею: уж таким-то пустяком меня не напугаешь. Просто черт их знает, этих средневековых поляков, может, у них это

считается дурным тоном, а то и самым настоящим святотатством? Лучше не рисковать.

Как-то очень давно мне попался рассказ о наших разведчиках, засланных в глубокий тыл к немцам для проникновения на особо охраняемый объект. Подготовка была – супер, даже рядовые хорошо «шпрехали», а уж командира поговору и подавно было не отличить от коренного пруссака; эсэсовская форма сидела как родная; с виду – сплошь настоящие Гансы, Фрицы, Эрвины... И чуть не засыпались. Причем на самой что ни на есть мелочи... Кстати, по закону подлости, именно на мелочах главным образом и пролетают!

Один из разведчиков что-то не так сделал с эсэсовским кинжалом. Уж не помню точно, что именно... Кажется, консервную банку им вскрыл. На глазах у настоящего эсэсовца.

Ну откуда он мог знать, что для «юберменша» особой касты кинжал – символ его чести и долга?! И что для такой прозаической цели каждый немецкий солдат имел консервный нож?! (Наши-то ребята об этом и не мечтали...)

Немцу, догадавшемуся, что перед ним не собратья по «избранному ордену», а переодетые русские, не повезло: командир группы именно в этот миг случайно встретился с ним взглядом и увидел в его глазах потрясение, переходящее в ненависть. И тут же «завалил», не дав ни воспользоваться оружием, ни поднять тревогу...

А если бы не успел? Или если бы у немца нервы оказались покрепче?

...В общем, хоть польские уланы из XVII века – не фрицы из XX, рисковать не стоит. Пока надо вести себя осторожно, присматриваться да копить информацию.

Доставать из сумочки Анжелы ее «Ангел фингерс» тоже не хотелось. Во-первых, если бриться им на глазах у поляков – мгновенно привлечешь их внимание к невиданному в эти времена предмету. Во-вторых, если уединиться для этой процедуры в камышах – они потом тут же заинтересуются, чем это пан Анджей «навел красоту». В-третьих... Эту сумочку еще разыскать надо! Кто знает, где именно в камышах она упокоилась, не шарить же по всему дну у берега... А спрашивать Анжелу неловко – небось до сих пор втихаря дуется...

Что станок у нее есть, я выяснил еще вчера вечером, отправляясь купаться. Когда передавал ей татарскую кожаную торбу, в которой была спрятана сумочка, и, естественно, шепотом... Тут же последовал (естественно, тоже шепотом) сначала утвердительный ответ: да, есть, тот самый, который делает (если верить рекламе) женские ножки гладкими, словно шелк. А потом встречный вопрос: почему, собственно, меня это заинтересовало? Я объяснил почему – кратко и убедительно, – потом подавил слабое сопротивление, напомнив с металлом в голосе, что приказы командира не обсуждаются, а исполняются, и слегка подтолкнул вспыхнувшую и разозленную Анжелу к кустикам... Не переставая удивляться предмету, известному под названием «женская логика»:

мы перенеслись черт знает куда, цена нашим жизням – медный грош (пока, во всяком случае), а она вздумала упираться: сумочку жалко, без косметички не обойтись, провела в салоне целых два часа и уплатила сто пятьдесят баксов!.. Ох, дамы, дамы...

Что же, придется светлейшему князю лицезреть мою двухдневную щетину. Ничего, не помрет!

...А очень скоро пустяки вроде внешнего вида вылетели у меня из головы. Потому что дорога, на которую мы выехали, была запружена беглецами, стремящимися в Лубны.

Я немало повидал в жизни, да и рассказов деда-фронтовика в свое время наслушался... Но картина человеческого горя – настоящего, непритворного – больно ударила по нервам. Совсем недавно мирно жили в своих домах, работали, растили детей. И вдруг налетел вихрь, сорвал с насиженных мест...

Густое облако рыжевато-серой пыли, поднятой бесчисленным множеством копыт и колес, клубилось до горизонта, и в нем лишь временами угадывались очертания телег и возов. Пронзительный скрип, стук и грохот, конское ржание, хриплый рев непоеной скотины, жалобный детский плач, прерываемый раздраженными окриками, истеричная ругань и жалобы, неизвестно к кому обращенные, – все это смешалось в какую-то адскую какофонию. Даже мне стало... не то чтобы не по себе, но близко к этому. А представляю, каково пришлось моей спутнице!

– Страшные времена настали, пан Анджей! – еще раз промолвил ротмистр, взглянув на мое посуровевшее лицо. И тут же, в следующую секунду, крикнул: – А ну, дать дорогу! Люди его княжеской светлости, по неотложному делу! Дорогу, живо!!!

И пришпорил коня, погнав его прямо в пылевое облако. Уланы последовали его примеру, также крича во всю мощь: «Дорогу людям его княжеской мосьци!» Волей-неволей пришлось перейти на галоп и нам с Анжелой... Впрочем, я уже говорил, что в седле она держалась уверенно.

– Не смотри по сторонам! – шепнул я ей прямо в ухо. – Не надо! Только перед собой!

Возницы раздражались грубой истеричной руганью, осыпали проклятиями сразу на нескольких языках и «княжескую светлость», и бунтаря Хмельницкого, и «гололобую нечисть» (видимо, подразумевались крымчаки), и «схизматское быдло» вперемешку с «подлыми хлопами», но все же сворачивали к краям дороги. Имя грозного князя все-таки действовало.

Так мы и ехали – по образовавшемуся коридору, между двух рядов, чуть не задыхаясь от пыли. Краем глаза я замечал, как многие испуганно крестились, рассмотрев мою одежду. А какой-то белобрысый малец, отчаянно ревавший на руках у дородной хмурой женщины, вдруг застыл с раскрытым ртом и округлившимися глазами, увидев меня. Его замурзанное личико побелело от ужаса – это было видно да-

же сквозь клубящуюся пыль... В следующую секунду он завопил с удвоенной силой, так пронзительно и страшно, словно перед ним предстал сам Кощей Бессмертный. Или Баба-яга. Или леший. Или... Уж не знаю, про каких чудищ рассказывали сказки тогдашним детишкам в тех местах, но я в эту минуту мог смело заменить каждого из них. А то и всех скопом.

«Дети тебя раньше не пугались, Андрюха...» – укоризненно шепнул мой внутренний голос.

...Словом, я испытал неподдельное облегчение, когда впереди возникли деревянные городские стены. За ними, в некотором отдалении, виднелась другая стена, более высокая – уже каменная. А в самом центре, господствуя над местностью, к небу тянулись круглые башни замка, на одной из которых виднелся красочный штандарт. Видимо, показывающий, что хозяин в данный момент на месте...

Я напрягся, стараясь оживить в памяти строки трилогии Старицкого. Так, наружная стена точь-в-точь как он описывал: из составленных вплотную бревенчатых срубов, заполненных землей. При всей кажущейся простоте и примитивности – довольно надежная защита. Опоясана рвом – не очень широким и неглубоким, без воды, но тоже преграда для наступающего неприятеля. Это ведь только первый рубеж обороны, последующие наверняка куда серьезнее...

Видимо, караульные хорошо знали пана ротмистра, поскольку наш отряд проследовал через раскрытые ворота по-

что без задержек. «Спешим к его княжеской мосьци, по важному делу!» – и все. Вообще-то, непорядок, хотя бы пароль спросили, что ли... Или уточнили, а по какому такому делу и обязательно ли нужен сам князь... В такое время бдительность не бывает лишней.

Ладно, это не мое дело! Точнее, пока еще не мое...

Внутри нас встретил самый настоящий человеческий муравейник. Сновали люди, звучал многоголосый гомон, кто-то кого-то истошно выкрикивал, надрывая горло. И – повсюду беженцы, беженцы, кое-как разместившиеся прямо на земле вместе со своим немудреным скарбом. Хмурые, затравленные, озираются по сторонам то исподлобья, то с растерянной, жалкой улыбкой, уже немного «отошли» от пережитого ужаса, но все еще вздрагивают от любого резкого движения, от громко сказанного слова, инстинктивно прижимая к себе детей...

И снова внутри что-то шевельнулось. Слишком много таких сцен пришлось повидать.

«Не отвлекайся, Андрюха. Всех не пожалеешь. Думай о том, что скажешь князю!» – снова не утерпел внутренний голос.

«Да пошел ты...» – мысленно огрызнулся я, скорее из принципа. Не люблю, знаете ли, когда последнее слово остается не за мной... Да и кто любит?

«Как знаешь. Мое дело – предупредить!» – не утерпел-таки противный голос, перед тем как заткнуться.

Внутренняя стена (промежуточный рубеж обороны, как я ее тут же окрестил) и впрямь оказалась куда солиднее и надежнее. Прежде всего ее окружал ров с водой, ширина которого составляла не менее пяти метров. Наметанным глазом я определил, что и глубина немалая. Каменная стена, возвышавшаяся по ту сторону рва, во многих местах прерывалась прямоугольными башнями, из амбразур которых торчали начищенные, блестящие на солнце пушечные жерла. Калибр маловат, конечно, но на ближней дистанции да картечью – мало никому не покажется...

– Кто едет и по какому делу? – раздался суровый окрик со сторожевой площадки.

– Ротмистр Тадеуш Подопригора-Пшекшивильский, по личному поручению его княжеской мосьци! – отозвался молодой поляк. И я готов был поклясться, что в его голосе прозвучало какое-то непонятное раздражение. Или просто пыли наглотался, вот в горле и першит?

– Кто-кто? Проше пана, не расслышал, извиняюсь! Повторите, не считите за труд!

А вот теперь мне показалось, что караульный произнес эту фразу с каким-то ехидством. Хорошо замаскированным, но все же различимым...

Скрежет зубов Подопригоры-Пшекшивильского тоже был хоть и негромок, но вполне уловим. Не то что обладатель музыкального слуха – даже обиженный каким-то особо упитанным медведем, добросовестно потоптавшимся на его ушах,

человек без малейшего труда услышал бы...

– Охотно повторяю для пана Бедриховского: мое имя – Тадеуш Подопригора-Пшекшивильский, выполнял приказ его княжеской мосьци и должен предстать перед ним с докладом!

– Моя фамилия Беджиховский!!! – донесся с площадки рев стоялого быка. – Беджиховский, а не Бедриховский! Многие поколения моих славных предков носили ее! Проще пана, можно было бы и запомнить за столь долгое время! Хотя, конечно, извиняюсь великодушно, если пан ротмистр унаследовал от своего прадеда помимо первой части фамилии еще и скверную память вкупе с такими же манерами...

Растревоженный гадюшник и то не издал бы столь дружное и негодующее шипение, как верные уланы пана Тадеуша. А вахмистр Балмута уставился на пана Беджиховского таким взглядом, что лишь чудом не прожег в нем дыру.

Видя, как багровеет лицо ротмистра, как мелко трясутся его губы, я понял, что он сейчас завопит: «Сатисфакции!» Или еще что-то в этом роде. Понятно и естественно, но сейчас не время для этого... Точнее, это мне понятно, что не время, а попробуй-ка объясни самолюбивому горячему поляку! Ох, вошедший в анекдоты польский гонор, шел бы он в дупу... и в другие места тоже... Впрочем, как там было у Сенкевича в его «Огнем и мечом», когда поляки, уже собравшиеся рубиться на поединке, перехватили Богуна?.. Важное поручение на первом месте, а оскорбленная честь

– Надеюсь, пан не заставит себя долго разыскивать! – усмехнулся ротмистр, трогая коня.

Уланы громко расхохотались.

Оказавшись во внутреннем дворе замка (в «цитадели», или на последнем рубеже), я торопливо осмотрел все, стараясь подметить сильные и слабые стороны этой твердыни. Ну что сказать... Для своего времени очень даже надежная крепость. Может выдержать долгую осаду, был бы обученный и храбрый гарнизон и достаточные запасы продовольствия, а главное – источник воды... Кажется, тут в двух шагах речка, наверняка она же и наполняет ров. Можно смело утверждать – к ней прорыт потайной ход, соединенный с колодцем...

Тут мои размышления были прерваны, причем не самым приятным образом. Спешившийся ротмистр одной рукой передал поводья подскочившему стражнику, а другой призывно махнул, подзывая к себе какую-то женщину. Он начал что-то говорить ей вполголоса, вежливым, но явно командным тоном, из чего я сделал вывод, что это служанка. А потом указал на Анжелу.

Я понимал, конечно, что не смогу все время быть рядом с ней... но как-то не предполагал, что это произойдет так скоро. Она, видимо, тоже была сбита с толку и даже растеряна. В глазах мелькнул неприкрытый испуг.

– Молчи! – еще раз, на всякий случай, шепнул я ей. После чего обратился к Подопригоре-Пшекшивильскому: – Проше пана ротмистра... Куда поведут панну?

– О, пусть пан Анджей не беспокоится! – отозвался тот, упорно стараясь не смотреть на Анжелу, причем щеки его подозрительно порозовели, как на том привале у речки. – Панну отведут в покои, предоставят все необходимое. Думаю, сама ясновельможная княгиня захочет ее видеть, хотя в этом не могу ручаться.

Княгиня?! Жена Вишневецкого?! Впрочем, ничего удивительного, она же здесь, в замке. Как там ее звали – кажется, Гризельда?

«Будь умницей!» – мысленно возопил я, уставившись на Анжелу, которая явно была ошарашена подобной перспективой. Ох, только бы не растерялась в присутствии такой высокой особы, только бы не забыла про свою «немоту», не сболтнула лишнего...

Глава 9

Никогда не любил быть в центре внимания. Кто-то без этого жить не может, готов на все, лишь бы физиономия как можно чаще мелькала на экранах, а имя – на страницах прессы, пусть даже это будут бульварные листки, которые нормальному человеку и в руки-то взять противно. Вплоть до провокации скандалов и распускания самых маразматических слухов... Я этого никогда не понимал и по сей день не понимаю и не принимаю. Опять же, специфика службы требовала «не светиться».

По этой причине, кстати, у нас часто были размолвки с моей «бывшей»: она-то просто обожала всякие сборища и тусовки, искренне не понимая, как можно обходиться без них. А уж тем более проводить вечера за какими-то книгами!

Теперь же мне в полной мере пришлось почувствовать, что это такое – когда тебя насильно выволакивают на сцену под слепящий свет прожекторов и жадные взгляды толпы, охочей до зрелищ... А ты при этом еще в одних трусах (в лучшем случае).

Люди Вишневецкого, которым поручили опеку над мной, пока ротмистр делает доклад «его княжеской мосьци», смотрели на меня... ну, даже не знаю, какое сравнение лучше подобрать. Как на крупного хищника в зоопарке, что ли! Тигра, скажем, или ягуара. Красив, мерзавец, спору нет,

изящен, грациозен... Но как хорошо, что за надежной решеткой! (Или бронированным стеклом.) Вот пусть там и будет, на той стороне, а мы им полюбуемся отсюда, со стороны внешней...

Я сидел в просторной комнате со сводчатым потолком на широкой дубовой скамье, привалившись спиной к стене и с наслаждением чувствуя, как расслабляются усталые мышцы. Проехать довольно большой путь верхом, да еще когда в последний раз садился на коня много лет назад, – это вам не шутки! Тем более – если без седла... И зад отбил, и внутренние стороны бедер все-таки растер, хоть старался беречься, вон как зудят... Ладно, потерплю. Интересно, как чувствует себя Анжела?..

Слуги и стражники князя, толпившиеся напротив, даже не пытались скрыть непритворного страха, смешанного со жгучим, растравленным любопытством. Казалось, дай им волю – и любой из них попробует ткнуть меня пальцем. Просто чтобы убедиться, что я – не мираж, не призрак, наряженный в незнакомую, сроду невиданную здесь одежду и обувь.

Так подействовали на них самые обыкновенные джинсы классического темно-синего колера, такой же простой жилет со множеством накладных карманов и карманчиков, футболка-камуфляжка с короткими рукавами и кроссовки...

Время тянулось, но никто не рискнул нарушить молчание. Несмотря на всю ответственность момента, мне даже стало немного смешно.

Я улыбнулся одному стражнику, только что украдкой ущипнувшему себя за руку. Точнее, это ему, бедняге, казалось, что украдкой, я-то заметил, хоть и не смотрел на него в этот миг! Боковое зрение, знаете ли, хорошо натренировано...

– Можно попросить у пана воды?

– В... Воды?! – У него так застучали зубы, будто я потребовал крови невинных младенцев.

– Ну да, воды! Очень хочется пить... – Я растянул губы еще шире в самой добродушной и приветливой улыбке, на которую только был способен.

Пить мне на самом деле не очень-то и хотелось. Но надо же как-то их успокоить, показать, что я такой же человек, со всеми присущими потребностями...

Стражник, кое-как стряхнув оцепенение, отдал приказ казачку. Судя по паническому испугу, мелькнувшему в глазах парня, тому очень хотелось заорать благим матом: «Почему я?!» Но не осмелился и поспешно выскочил из комнаты.

Через минуту он вернулся, держа на подносе высокий хрустальный кубок, примерно на две трети наполненный водой. (Наверное, сначала ее было больше, судя по тому, что его руки тряслись, а поднос был мокрым.) Сбоку грузно вышагивал широкоплечий гигант с сурово-непроницаемым лицом, в ярко-алом жупане, синих шароварах и высоких кожаных сапогах с чуть загнутыми носками, которые негромко поскрипывали, с кривой саблей на левом боку и кинжалом в

украшенных самоцветами кожаных ножнах – на правом. Рядом с низеньким щуплым казачком этот человек смотрелся словно исполинский утес на фоне маленького холмика. Широкое плоское лицо с сильным смугловатым оттенком, мощный подбородок, густые черные волосы... Внешне он чем-то напоминал Стивена Сигала, только усатого, и наверняка был так же силен: жупан чуть не трещал на его могучем мускулистом торсе. Мысленно усмехнувшись, я тут же дал крепышу кличку Стивен.

Следом зашли еще два стражника, замершие у дверного прохода.

Я тут же заметил, что толпившиеся в комнате поляки мгновенно подобрались, уставившись на силача с нескрываемым почтением, к которому явно примешивалось и нечто иное. У кого – испуг, у кого – лесть... Кто же ты, дядя? Скорее всего, какая-то приближенная к князю персона...

«Дядя» сам ответил на мой безмолвный вопрос:

– Проше пана, это питье совершенно безо-пасное. Я, начальник личной стражи его княжеской мосьци, Леопольд Дышкевич, в том ручаюсь. Кубок наполнялся в моем присутствии. Пан может смело пить, а потом прошу последовать за мной.

Теплоты в его голосе было не больше, чем в январском снеге. Впрочем, и явной грубости тоже не было... В конце концов, я ему не друг, не сват, не родственник, а любой телохранитель должен видеть в любом незнакомом человеке

прежде всего потенциальную опасность для патрона. Если он хороший телохранитель, разумеется.

Этот явно был хорошим. И не его вина, что, имея дело со мной, он с тем же успехом мог быть самым плохим и бездарным.

Скажем, тот же Сигал чрезвычайно эффект-но смотрится в кино. Но вряд ли он выстоял бы в реальной схватке с сильным и хорошо обученным противником, желающим убить по-настоящему, а не понарошку. Тем более если противников несколько. Когда второго дубля уже не снимешь, а смерть улыбается тебе во все тридцать два зуба...

Мне рассказывали люди, которым можно верить: как-то голливудскую суперзвезду во время его визита в Россию привезли на показательные бои. Среди прочей «спецуры» там были ребята из одной части... словом, ее номер скажет очень многое знающим. А кто не знает – и не надо. Все равно не поймут... Так вот, легендарный актер-буддист внимательно посмотрел на то, что они делают, а потом очень вежливо, но категорично отказался от поединка. Хотя по сравнению с ним самый крупный из тех ребят казался чуть ли не дистрофиком...

И правильно сделал, что отказался! Убить не убили бы, но покалечить могли запросто, причем без всякого злого умысла. А оно ему надо – при его графике съемок и астрономических гонорарах?..

...Кстати, чья это была инициатива – проследить, чтобы

мне не подсыпали яду в питье? Тут что – принято травить посторонних? Неужели сам князь так беспокоится о каждом своем госте? Или мне одному зачем-то оказана такая честь? Или это пан Дышкевич на всякий случай подсуетился: вдруг странный человек, привезенный в замок, и впрямь окажется ценным для господина, так лучше уж перестраховаться?..

Поставив пустой кубок на поднос, я повернулся к Стивену:

– Я готов следовать за паном! Куда прикажете?

Он вместо ответа махнул рукой в сторону двери: иди, мол, а там укажут. И тут же двинулся за мной, держась почти вплотную.

Стражники, замершие по обе стороны проема, быстро подвинулись, пропуская нас, потом зашагали за Дышкевичем, четко ступая с ним в ногу (это было хорошо слышно, строенное гулкое эхо буквально отскакивало от стен и потолка коридора).

Молодцы, ребята! Со строевой подготовкой у вас все в порядке... А вот как со всем прочим – скоро будет видно.

Это «скоро» наступило примерно через десять минут.

Сначала меня привели в довольно просторное помещение, куда более роскошное, чем комната, где пришлось ждать. Стены обиты яркой и явно дорогой материей, по углам расставлены стулья с высокими резными спинками на гнутых ножках, а наборный паркет с очень красивым и сложным рисунком казался просто великолепным, особенно в

солнечных лучах, льющихся через два широких окна. Я им невольно залюбовался. Всегда питал слабость к хорошей работе по дереву, знаете ли...

«Не отвлекайся, Андрияха! Ты идешь прямо к тигру в пасть!» – снова не утерпел внутренний голос.

«Сам знаю», – лениво огрызнулся я. Чисто для порядка: пусть не считает своего хозяина умственно отсталым.

Логово «тигра», точнее, большой зал лубенского замка, где пресветлый князь Иеремия-Михаил Корбут-Вишневецкий пожелал принять меня, допустив пред свои ясные очи, находился по соседству с этой комнатой за плотно закрытой дверью, высокой и двустворчатой. Это объяснил мне все тот же Стивен, перед тем как тщательно обыскать на предмет наличия оружия.

– Проще пана, по долгу службы обязан... – все тем же холодным, хоть и не грубым, голосом произнес он, проводя ладонями по моему телу. Достаточно профессионально, надо признать. Любой предмет, превышающий размером зубочистку, был бы обнаружен. Нашупав заграничный паспорт во внутреннем кармане, пан Дышкевич как-то неопределенно хмыкнул, задумался, потом решил, видимо, что это не представляет опасности. Ведь не пистолет, не нож, даже не бритва... Пожал плечами и еще раз окинул меня изучающе подозрительным взглядом, в котором так и читалось: «Ладно, сейчас ты вывернулся, сукин сын!..»

Стражники, стоявшие по обе стороны вышеупомянутой

двери – точь-в-точь в такой же одежде, как парочка, сопровождавшая Дышкевича, – буквально впились в меня взглядом во время обыска. И тоже, кажется, были разочарованы отсутствием результатов.

Я посмотрел на гиганта, постаравшись вложить в свой взгляд всю гамму чувств – от сдержанного возмущения таким недоверием до смиренного принятия судьбы: мол, что же поделаешь, настали опасные времена, а жизнь князя драгоценна! И, естественно, не стал ему сообщать ядовито-медовым голосом: пан мог бы искать хоть до второго пришествия и ничего бы не обнаружил, а я все-таки сейчас пронесу в зал оружие, прямо у него под носом. Очень опасное оружие. Невидимое и всегда находящееся при мне...

Дышкевич произнес пару коротких, рубленых фраз, отдавая команду. Стражники четким, выверенным движением распахнули створки. Начальник стражи переступил порог зала первым, стоявшие у двери – вслед за ним, а те, что привели меня сюда, жестами показали: ступай, мол, твоя очередь! Я не заставил себя долго упрашивать. Остальные тут же двинулись за мной, взяв «в коробочку».

Если скажу, что вошел в зал, сохранив полное спокойствие, – это будет вранье. Но и страха тоже не было. Скорее, напряжение, вызванное осознанием важности и сложности задачи, а также непосредственно грозящей опасности. И мысль об Анжеле тоже давила, чего уж там... Сердце заколотилось чаще и сильнее обычного, во рту пересохло, а паль-

цы рук и ног начали покалывать невидимые ледяные иголки...

«Спокойно, Андрюха! И не в таких передрягах бывал... Прорвемся!»

Глава 10

Пан ротмистр Подопригора-Пшекшивильский все на свете отдал бы за благословенную возможность провалиться сквозь землю... точнее, сквозь паркет главного зала. Но, увы, злая судьба не дала ему этого последнего утешения, и оставалось только до дна испить чашу мучительного, беспредельного позора.

Лицо пылало, как если бы он стоял вплотную к жарко пышущему костру, сердце билось о грудную клетку так, словно стремилось проломить ее и выскочить наружу, а горло перехватило спазмом. Мало того, на глаза навернулись предательские слезы, вот-вот готовые пролиться, лишить незадачливого ротмистра последних остатков самоуважения и воинской чести.

Тадеуш презирал и ненавидел себя. Но куда большую ненависть он испытывал к предателю, ловко прикинувшемуся порядочным человеком. Который – о Езус, как сильно людское коварство! – сразу понравился ему, вызвал непритворную симпатию... И теперь держал жизнь пресветлого князя, надежды и опоры Речи Посполитой, в своих руках.

Их разделяло всего несколько шагов. Но с тем же успехом могла разделять бездонная пропасть. Это расстояние не покроешь мгновенным прыжком, даже самым отчаянным. Он успеет полоснуть лезвием по княжескому горлу...

Сбоку доносилось хриплое, клокочущее дыхание пана Дышкевича. А сзади что-то бормотал иезуит Микульский. Ротмистр сейчас даже не способен был понять, что именно. Кажется, духовник призывал на помощь и Отца, и Сына, и Святого Духа, вкупе с Маткой Боской и всеми апостолами...

А потом послышались слова этого... Подопригора-Пшекшивильский даже не нашел бы подходящее по крепости определение. Голос казался ему противным карканьем старого ворона:

– Ты видишь, пресветлый князь, что я не солгал тебе. Здесь была куча народу, и никто из них не смог мне помешать.

Уши и щеки ротмистра, и без того пылавшие, налились еще более густым алым румянцем.

– Я с тебя шкуру заживо сдеру! – заскрежетал зубами взбешенный Дышкевич, испепеляя чужака ненавидящим взглядом. – По кусочкам! Сдохнешь в адских муках, пся крев!

Не обратив ни малейшего внимания на эту угрозу, странный и страшный человек продолжал:

– Так подумай, княже: может быть, и другие мои слова тоже были правдой? Может, мои сведения и впрямь стоят того, чтобы выслушать их наедине? Я стремился к тебе потому, что знал: ты не только бесстрашный воин и прославленный полководец, но и очень умный человек. Ты способен понять и оценить то, что другим недоступно. А то, что я знаю, может

очень помочь Речи Посполитой. Более того – может спасти ее... Так неужто я ошибся в тебе? Неужели ты оттолкнешь протянутую руку? Погубишь свое отечество из-за упрямства и уязвленного самолюбия? Если так – значит, я напрасно погибну. Но и государство погибнет тоже...

И в следующий миг мужчина в странной синей одежде сделал то, отчего все присутствующие впали в самый настоящий ступор. Он положил кинжал на колени Вишневецкому, по-прежнему сидящему недвижимо, как статуя, отступил, пятясь, от кресла и отвесил князю поясной поклон:

– Моя жизнь в твоих руках, княже. Поступай, как велит тебе ум и совесть.

Кто-то из советников, не сдержавшись, громко ахнул. Иезуит трясущимися губами начал бормотать: «Восславим Господа...»

Стряхнув оцепенение, пан Дышкевич, ротмистр и стражники бросились вперед, толкаясь и мешая друг другу. Сейчас каждый из них мечтал только об одном: первым добратся до горла «пана Анджея».

– Стоять!!!

Голос Вишневецкого прозвучал вовсе не громкоподобно, но эффект был такой, будто в зале выпалили из пушки.

Мужчины, проскочив по инерции еще несколько шагов, замерли. Ненавистный чужак был совсем рядом, до него можно было уже дотянуться, но они не смели тронуть его без приказа господина.

Князь медленно поднялся с кресла. Он смотрел не отрываясь в глаза человека, только что позволившего себе невероятную, неслыханную дерзость. А тот точно так же смотрел в глаза Иеремии – внимательно, без тени страха, даже с некоторым вызовом.

В зале стояла мертвая, зловещая тишина. Даже ксендз Микульский умолк, почувствовав, что сейчас не время вовлекать Бога в сугубо земные дела.

– Оставьте нас наедине, панове! – негромко приказал Вишневецкий.

Поляки изумленно переглянулись, не веря своим ушам. Пан Дышкевич, похожий на человека, в одночасье похоронившего всех родных, буквально возопил:

– Ясновельможный, помилосердствуй, не подвергай опасности свою жизнь! Это же настоящий разбойник...

– Проще пана, – слегка повысил голос князь, – я не привык повторять дважды!

Все еще недоумевающие, сбитые с толку люди потянулись к дверям. Ротмистр, торопливо подобрав с пола отлетевшую саблю, поклонился князю и тоже попятился к выходу.

– Минутку, панове! – вдруг окликнул князь. – Запомните: о том, что произошло здесь, на ваших глазах, – Вишневецкий многозначительно дотронулся пальцем до горла, – больше никто не должен узнать! Все слышали? Никто! Если хоть одна живая душа, кроме присутствующих... Панове, вы знаете мой гнев. А выяснять, кто именно из вас развязал язык,

я не стану. Вам все ясно? Вот и хорошо. Теперь идите.

Облик князя я представлял себе по актеру Анджею Северину, сыгравшему его роль в фильме «Огнем и мечом». Реальность оказалась куда скромнее. Вместо высокого статного мужчины с весьма фотогеничной внешностью в кресле, больше похожем на трон, сидел довольно щупленький, узкоплечий человек, которого при всем желании нельзя было назвать красивым. Худощавое лицо с острым подбородком и узкими, плотно сжатыми губами, желтоватая кожа, под глазами – набрякшие мешки (с печенью, что ли, проблемы?), черные волосы обильно засеребрились, а на макушке еще и изрядно поредели, открыв залысину... Да, не красавец, но и не урод. Если описать внешность одним словом, то «невзрачная» будет в самый раз. Зато глаза! Да, тут все ясно с первого взгляда – этот человек привык повелевать и вершить чужие судьбы.

Начальник стражи жестом велел мне остановиться примерно в семи-восьми шагах от Иеремии, а сам быстрым шагом преодолел это расстояние и развернулся, заняв место по правую руку князя. Рядом с ним встали два стражника, а остальная пара разместилась по левую руку... Э-э-э, ребята, вот это вы напрасно! Двум надо было остаться сзади меня, на всякий случай. Учить вас еще и учить... Если будет кому.

Откровенно говоря, взглянув на милую компанию, толпящуюся у княжеского кресла, я почувствовал, как моя уве-

ренность в успехе, и без того не особо сильная, стремительно тает. Ну, прямо как последний снег на апрельском солнышке. Особо смущала духовная персона, которая уставилась на меня с неприкрытым ужасом и отвращением. Да и во взгляде пары мужичков в пышных одеждах (как потом оказалось, княжеских советников) особого расположения я не увидел. А вот желание кликнуть палача с подручными – было. И вполне недвусмысленное.

Блин, это же религиозные фанатики... Самая трудная публика!

Я лихорадочно обдумывал, как бы начать разговор, какие бы аргументы убедительнее подыскать, с раздражением и даже – чего уж там! – со страхом ощущая, как приготовленные заранее фразы либо вылетают из памяти, либо кажутся смешными и нелепыми... Была бы возможность снова перенестись в тот день, удирая со спасенной заложницей от головорезов Мансура – согласился бы без колебаний. Но что толку мечтать о несбыточном?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.